Евгений

СУХОВ

Воровская сага

Русский вор

Авантюрист Его Высочества

Евгений Сухов

Русский вор

«Эксмо»
2012

Сухов Е. Е.

Русский вор / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2012 — (Авантюрист Его Высочества)

Никак не угомонится бывший лейб-гусар Леонид Варнаховский. Самозабвенный авантюрист, он не может без щекочущих нервы приключений. Вот он перебрался в кайзеровскую Германию. Там организовал выпуск фальшивых монет и банкнот, причем в таком масштабе, что Великая Германия оказалась на грани финансовой катастрофы! Затем, спасаясь от полиции, Варнаховский перебрался в Болгарию, где, выдавая себя за великого князя Николая Константиновича, стал всерьез претендовать на болгарский трон. Но на этот раз он перешел все мыслимые грани дозволенного, и Российская империя готова примерно наказать наглого авантюриста…Ранее книга издавалась под названием «Ограбить Европу».

© Сухов Е. Е., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Часть I 5
Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 18
Глава 4 21
Глава 5 25
Глава 6 30
Глава 7 36
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Евгений Сухов
Русский вор

Часть I
Чеканка монет

Глава 1
Выгодное предложение

Сгустившиеся сумерки поначалу накрыли виллы, строенные на вершине горы, а потом добрались и до набережной, многолюдной в июньскую пору. На проспектах, бросая желтый дробящийся свет на брусчатку, уже полыхали газовые фонари, выманивая гостей из душных гостиниц к морскому берегу.

Комиссар полиции Монте-Карло Луи Кошон, как было заведено его предшественником, уважаемым Фернаном Жиле, назначенным на эту должность еще Наполеоном Третьим, осматривал вечерний город: проехал по центральной улице и свернул на широкую набережную. Здесь полицейская карета ненадолго остановилась – видно, комиссар любовался багряными бликами заходящего солнца, – а потом покатила дальше по каменистым склонам. Вытянувшись в длинную кривую линию, в точности отражающую гористый рельеф местности, стояли двухэтажные дома с небольшими цветочными участками перед фасадами, где предпочитали селиться люди со средним доходом: лавочники, мелкие буржуа, хозяева небольших гостиниц и магазинов. В крайнем доме проживал Рауль-Дюваль Трезеге, владевший скромным магазином по продаже французского антиквариата.

Кошон критическим взглядом осмотрел распускавшиеся цветы: видно, бизнес приносил немалый доход, если хозяин умудряется содержать в хорошем состоянии и дом, и приусадебный участок.

– Жорж, – крикнул он через открытое окно кареты, – останови у того крайнего дома.

– Хорошо, господин комиссар, – живо отозвался кучер.

Карета свернула с брусчатки в сторону апельсиновой рощицы. Под каучуковыми колесами громко захрустел гравий, а вскоре экипаж остановился у небольшой изгороди. Взяв с сиденья небольшой мешочек, Кошон открыл дверцу и направился к дому по узкой дорожке, посыпанной морским песком. Следом за ним, закинув оружие за плечи, поспешили карабинеры.

В окнах второго этажа полыхала керосиновая лампа, пробиваясь через занавешенное окно тусклым желтым светом. Комиссар подошел к порогу и, взявшись за большое чугунное кольцо, легонько постучал в дверь. Где-то в глубине первого этажа послышался негромкий звук, какой случается лишь при ударе крышки погреба об пол. В следующую минуту в коридоре раздалась тяжеловатая мужская поступь, после чего низкий голос поинтересовался:

– Кто там?

– Откройте, это комиссар полиции, – отвечал Луи Кошон.

За дверью установилась заповедная тишина. Луи не однажды приходилось наблюдать, как людей начинает трясти только при одном упоминании его имени или должности. В этот момент они, видимо, перебирают в памяти явные и мнимые грешки. Некоторые из этих людей, будучи совершенно безвинными, просто теряли дар речи. Порой выходило весьма забавно.

Ответ затягивался: или они не желают открывать комиссару полиции, или сейчас прячут в подвале особо опасного преступника.

Кошон, взявшись за кольцо, хотел было постучать еще раз, более требовательно, но дверь открылась и в проем просунулась косматая голова хозяина.

– Господин комиссар? – удивленно протянул тот, пытаясь натянутой улыбкой изобразить радушие.

– Можно пройти? – спросил Кошон. – А то очень неудобно разговаривать с вами через порог.

Дверь широко распахнулась, как если бы хозяин намеревался пригласить в свой дом все отделение полиции. Но вошли всего лишь трое полицейских, потеснив хозяина в глубину прихожей. Первым был комиссар, следом увязались долговязые карабинеры, задевая прикладами дверные косяки.

– Что же вы так, господин Трезеге? – спросил комиссар, буравя хозяина пристальным взглядом.

Рауль-Дюваль Трезеге виновато улыбнулся: с такими интонациями впору приговаривать к пожизненному заключению.

– Я вас не понимаю, о чем вы, господин комиссар?

Брови Кошона слегка дрогнули, после чего сместились к самой переносице, придавая его лицу грозный вид.

– Вы вчера были в казино?

В больших глазах хозяина блеснул свет от горящей лампы, сделав его лицо зловещим.

– Был, господин комиссар, – протянул Трезеге виновато, – я проиграл там две тысячи франков.

Кошон покачал головой.

– Ай, как нехорошо, господин Трезеге… Вы, видно, были очень расстроены, а потому оставили вот этот мешок с вашими коллекционными монетами. Очень хорошо, что швейцар их вовремя заметил и передал в полицейский участок. Иначе вам бы никогда не видать вашей коллекции.

Хозяин взял протянутый мешочек, внутри которого глухо звякнул металл.

– Спасибо… Хотя кому, кроме меня, нужен этот хлам?.. Но как вы догадались, что это именно мои деньги?

– Кто же в нашем городе не знает коллекционера Рауля-Дюваля Трезеге! – растянул губы в душевной улыбке Кошон. – Так что в следующий раз я советую вам не быть таким рассеянным.

Козырнув, комиссар полиции развернулся и вышел из дома, увлекая за собой скучающих карабинеров.

Закрыв дверь, хозяин дома глубоко и облегченно вздохнул.

В России Рауль-Дюваль Трезеге был известен под именем Валерий Михеевич Христофоров, значившийся в полицейской картотеке как один из самых известных фальшивомонетчиков. Родом он происходил из мелких саратовских крестьян, которые, не жалея живота своего, служили «царю-батюшке». Возможно, что и его ожидала бы военная доля, не откройся в нем недюжинный талант к рисованию. Воспротивившись воле отца, Валерий Христофоров оставил юнкерское училище и занялся художеством. Однако скоро выяснилось, что хлеб свободного художника скуден и зачастую неблагодарен. Вскоре юноша начал изготавливать античные монеты, выдавая их за настоящие. Древнеримские и древнегреческие образцы пользовались невероятным спросом у аристократии и коллекционеров, позволяли жить безбедно и даже посылать батюшке немалые суммы на поддержание родового имения. А вскоре Христофоров пришел к мысли, что куда выгоднее изготавливать деньги настоящего, чем прошлых историче-

ских эпох. Смастерив штампы, он принялся чеканить монеты в небольшом съемном особняке, располагавшемся напротив полицейского участка.

Дела шли бойко, отчеканенные деньги были настолько хороши, что даже банкиры принимали их за настоящие. Но однажды, крепко перебрав, по собственной нерадивости, Христофоров попытался расплатиться в ресторане за штоф водки штампом полтины. По тому, как вытянулись лица сидящих за столом, он понял, что половые донесут на него в полицейский участок раньше, чем он поднимется из-за стола. В тот же час, не искушая более судьбу, он выехал во Францию, где занимался тем, что хорошо умел: особо нуждающимся за приличные деньги «лепил» фальшивые паспорта. И терпеливо ждал часа, когда можно будет заняться любимым делом, а именно чеканить фальшивые монеты…

Взяв мешок с деньгами, Христофоров уверенно развязал тесемку. Среди древних монет Римской империи и Эллады были две ценностью в одну и пять германских марок. На первый взгляд в них не было ничего особенного, и только всмотревшись, можно было увидеть, что края монеты слегка затерты, в чем повинны поврежденные штампы, многократно использовавшиеся. Это просто невероятная удача, что комиссар не рассматривал содержание мешка тщательным образом, иначе уже искал бы в его доме чеканные прессы.

От пришедшей мысли Валерия Михеевича бросило в пот. Промокнув взмокший лоб рукавом рубахи, он запоздало подумал о том, что стук в дверь раздался в тот самый момент, когда он открывал крышку погреба, где у него находились копировальные станки, и сейчас погреб манил черным зевом. Повернувшись к окнам, завешенным плотной цветастой материей, и убедившись, что за ним никто не наблюдает, Христофоров подошел к погребу и закрыл крышку.

Неожиданно на пороге скрипнула половица и в дверь негромко постучали. Валерий Михеевич нахмурился: неужели комиссар что-то почувствовал и вернулся? Стараясь не шуметь, он прошел по ковровой дорожке в коридор и затаился у двери. Снаружи не раздавалось ни звука.

Стук в дверь повторился, но на этот раз прозвучал несколько громче и требовательнее.

– Кто там? – недовольно спросил Христофоров.

– Это тот человек, которому вы в свое время очень помогли, – раздался из-за двери знакомый звонкий голос. – Мне бы хотелось с вами переговорить о важном деле.

Поколебавшись, Валерий Михеевич выдвинул щеколду и приоткрыл дверь. У порога стоял молодой мужчина с короткой рыжеватой бородкой, немногим более тридцати лет, в укороченном модном черном сюртуке и темных зауженных брюках.

– Это вы? – спросил Христофоров.

– Собственной персоной Леонид Варнаховский, – отвечал молодой мужчина. – Или вы ждали кого-то другого? Надеюсь вас не разочаровать. В прошлый раз мы с вами говорили о том, что неплохо было бы затеять собственное предприятие. Надеюсь, что наш разговор остается в силе?

Христофоров посмотрел на аллею, по которой несколько минут назад ушел комиссар с карабинерами, на кусты, возвышающиеся над невысокой изгородью. Ничего такого, что могло бы насторожить, а накатившая ночь лишь только подчеркивала важность разговора.

– Вы один?

– Комиссар полиции здесь будет точно неуместен.

– Вам может показаться это смешным, но он заходил ко мне за несколько минут до вашего появления.

Молодой мужчина негромко рассмеялся.

– Я едва не столкнулся с ним у самой калитки, и мне пришлось некоторое время посидеть в кустах, прежде чем он ушел от вас. – Слегка поморщившись, добавил: – В прошлый раз мы расстались с ним не самым лучшим образом. Просто я не хотел бы его расстраивать.

– Проходите, – предложил Христофоров, распахнув дверь пошире. – Что же нам у порога разговаривать?

Поблагодарив легким кивком, Варнаховский прошел в комнату.

* * *

Огонь камина охотно пожирал сухие ветки, брошенные аккуратной стопкой. Языки пламени, умирая в воздухе, бросали тени на стены, выкрашенные в сиреневый цвет, на громоздкую мебель эпохи Людовика XIV, на лица мужчин, сидящих в креслах с бокалами вина в руках.

Валерий Христофоров любил камин, нередко затапливая его даже в летнюю пору во время обильных дождей или для того, чтобы придать разговору располагающую доверительную атмосферу, – собственно, как и в этот раз. Древние люди не случайно наделяли огонь мистическими качествами, не позволяя ему погаснуть даже на мгновение, а уж они-то прекрасно осознавали, что значит уют! Нетрудно представить пещерного человека, развалившегося у костра на какой-нибудь разлапистой коряге – чем не кресло времен палеолита! Наверняка где-то внутри самого Валерия Михеевича тоже прятался дремучий язычник. Если не так, тогда откуда эта неистребимая тяга взирать на огонь по нескольку часов кряду?

Пламя понемногу стало ослабевать; как и всякое божество, оно требовало пищи, и Христофоров, подняв с пола несколько сухих веток, аккуратно положил их на огонь.

Он молчал, осмысливая предложение.

Его собеседником был бывший поручик лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка Леонид Назарович Варнаховский. Год назад «мастер» изготовил ему фальшивый паспорт на имя графа Анри д'Аркура из династии графов де Мортен. И теперь Варнаховский появился у него именно под этим именем. Отставной поручик был весьма любопытной личностью. Баловник и мошенник, что только увеличивало количество его друзей и сторонников, в Санкт-Петербурге он прославился многими чудачествами. Так, например, брал копытную мазь и щетку с длинной ручкой и отправлялся с приятелями туда, где царило пиршество. Затаившись у подоконника, они колотили в окно. На стук обычно отворялась оконная форточка, и в ней показывалась голова какого-нибудь расфранченного чиновника с вопросительной физиономией. Двое приятелей Варнаховского мигом хватали бедолагу за волосы, а третий, вооружившись щеткой с ваксой, вымазывал злосчастному франту лицо, после чего затейники с веселым гиканьем уезжали на тройке. Надо полагать, компании было весьма весело, в отличие от пострадавшего. Но это была, пожалуй, самая безобидная из их шалостей…

Весь могучий интеллект Варнаховского был направлен на то, чтобы организовывать многочисленные и хитроумные аферы, придумывая самые неожиданные решения для их воплощения. И, надо отдать ему должное, многие из них были претворены в жизнь, позволив поручику лейб-гвардии сколотить крупное состояние.

В России Варнаховский вместе с великим князем Николаем Константиновичем был замешан в краже иконы из царствующего дома. В отличие от великого князя, которого сослали сначала в Оренбург, а потом в Ташкент, капитану удалось избежать наказания. А несколькими днями позже после ссылки великого князя он умудрился продать какому-то американскому чудаку Зимний дворец.

Во Французской Ривьере Леонид Варнаховский отметился несколькими наделавшими много шума дуэлями; остановившись в апартаментах, предназначенных для представителей королевской крови, уехал не расплатившись; сумел облапошить знаменитый «Гранд Казино» на сотни тысяч франков, что повлекло за собой значительные неприятности в виде надзора полиции. Вскоре неугомонный поручик съехал из страны по поддельному паспорту, который для него изготовил Валерий Михеевич. Так что у французской полиции к Варнаховскому накопился личный счет.

При расставании Леонид сказал Христофорову, что был бы рад затеять с ним дело, которое тряхнуло бы всю Европу. И вот сейчас бывший гусар появился у его порога, чтобы получить согласие на свое предложение.

– Так вы согласны заняться чеканкой денег, уважаемый Валерий Михеевич? Дело весьма прибыльное, уверяю вас. Мы купим весь свет!

Предложение было интересное. Христофоров давно подыскивал компаньона, чтобы заняться настоящим делом. Окажись на месте Варнаховского не столь легковесный человек, пускающийся во всякого рода авантюры, он немедленно принял бы предложение. Но перед ним сидел тот самый поручик лейб-гвардии Варнаховский, что снискал себе в Петербурге славу отчаянного дуэлянта и скандалиста. Поговаривают, что российская полиция не успокоилась и до сих пор разыскивает его по всей Европе.

Откинувшись на спинку кресла, отставной гусар пустил в потолок тонкую струйку дыма и ободряюще улыбнулся.

Леонид Варнаховский обладал весьма представительной внешностью. В какой-то степени его можно было назвать эталоном мужественности и красоты. Перед таким колоритным экземпляром не могла устоять ни одна барышня. Кроме того, он обладал поистине гипнотической силой воздействия на окружающих. К этому можно добавить, что поручик лейб-гвардии имел острый ум, был невероятно интересным собеседником и разговаривал на десяти европейских языках практически без акцента.

Вот только свои невероятные способности он направлял на разного рода мошенничества и махинации, и, как правило, все они заканчивались невероятными скандалами, с обширнейшими публикациями в печати. Но, по странному провидению судьбы, Варнаховскому всякий раз удавалось избежать правосудия. Возможно, что за его плечами был сильный ангел-хранитель, что, не зная усталости, отводил от него одну неприятность за другой.

Следовало напрочь потерять рассудок, чтобы принять предложение отставного поручика. Слишком он был ярок, слишком умен, слишком много в нем было авантюризма. А чеканка денег – дело весьма тихое, не терпящее шумихи…

– Я принимаю ваше предложение, – услышал Христофоров собственный голос.

Варнаховский расслабленно улыбнулся:

– Нисколько не сомневался в вас, Валерий Михеевич.

– Возможно, я поступаю безрассудно, но мне бы хотелось попробовать себя в новом деле.

– Уверяю вас, вы не разочаруетесь. Мы растормошим старушку Европу!

– Вот этого мне как раз бы и не хотелось, – поморщился Христофоров. – Чеканка монет – дело весьма деликатное, тихое, я бы даже сказал, где-то интимное; чего же привлекать к себе внимание властей? За вами и так гоняется едва ли не вся полиция Европы.

– Вы правы, в последнее время у меня что-то не очень складывалось с власть предержащими. Обещаю вести себя тихо и не привлекать внимание полиции. Так с чего мы начнем?

– Теперь позвольте задать вам вопрос.

– Я весь внимание.

– Для чего вам это нужно?

– Хм… Если я скажу вам правду, вы не поверите.

– Отчего же не поверю? Я достаточно хорошо успел узнать вас, чтобы понять, когда вы говорите правду, а где, скажу так… слегка лукавите.

Пригубив вино, Варнаховский одобрительно кивнул. Хозяин дома прекрасно разбирался как в дипломатии, так и в вине и собрал превосходную коллекцию.

– Скажу вам честно, я по натуре авантюрист. Мне скучно просто коптить небо. Хочется какой-то встряски, которой я еще не испытывал. Вы даже представить себе не можете, сколько раз я становился неимоверно богатым, а сколько раз – бедным. Я наживал огромные состояния, чтобы на следующий день просадить все деньги в рулетку или спустить их на женщин. Пона-

чалу такие качели волновали мое воображение, заставляли сердце стучаться чаще, а кровь – бежать сильнее. Но вскоре я понял, что ни богатство, ни тем более его потеря меня больше не взбудораживают. Захотелось попробовать нечто иное.

– И вы попробовали?

– О, да! Я влюблял в себя самых красивых и самых недоступных женщин. Они имели положение в обществе и безупречную репутацию. Признаюсь, я и сам не однажды терял голову. Если бы вы знали, сколько раз я находился на волосок от гибели, когда в темных комнатах с оружием в руках меня караулили их не в меру ревнивые мужья…

Хозяин дома сдержанно улыбнулся – многие похождения Леонида Варнаховского были известны широкой публике, а две-три истории попали даже на страницы столичных газет. Его любовным победам мог бы позавидовать даже легендарный Казанова. Писали о том, что два года назад у него был серьезный роман с бельгийской принцессой и что ради своего возлюбленного девица переодевалась в платье ткачихи и шла на окраину города, где было место проституткам и всякому сброду. А с немецкой герцогиней капитан встречался прямо в ее спальне, в то время как ее ревнивый муж играл в карты в соседней комнате со своими приятелями. Весьма пикантный способ, чтобы пощекотать себе нервы. Нетрудно представить, что бы с ним случилось, если бы прелюбодеяние обнаружилось… Не было бы никакого суда, ни тем более дуэли. Самое лучшее, на что он мог бы рассчитывать, так это на мгновенную кончину. Несмотря на молодость, Леонид имел большую биографию, какую не всегда встретишь даже у столетнего старца.

– Мне приходилось кое-что слышать о ваших похождениях, – сдержанно заметил Христофоров.

– Не сомневаюсь, – буркнул Варнаховский. – В конце концов я понял, что и это уже тоже не возбуждает мою кровь. Я стал искать нечто иное.

– Дуэль?

– Вот именно! Если бы вы знали, сколько раз я находился на волос от гибели. И всякий раз провидение каким-то образом оберегало меня. В могилу сходили мои противники, но не я! Однако скоро и это мне надоело…

– И вы решили отыскать новое развлечение – изготавливать фальшивые монеты?

– Вы правы, так оно и есть. Думаю, что из нас получится очень хороший союз.

– Хочу сказать, что вам чрезвычайно повезло. Раньше в Древнем Риме и Древней Греции за производство фальшивых монет казнили не только самого изготовителя, но и всех его родных и близких родственников. Но нам грозят всего лишь каторжные работы. Ну, при худшем раскладе, отсечение головы на гильотине.

Допив остатки вина, Варнаховский широко улыбнулся, показав безупречные зубы:

– Не знаю, как вас, но меня вполне устраивают такие правила игры. Нет ничего увлекательнее, чем играть в «русскую рулетку» с государством.

– Какие же деньги мы будем печатать? Полагаю, что франки?

– Предлагаю марки.

– Ах, вот оно как… Смелый поступок! Пожалуй, что на него мог решиться только такой отчаянный человек, как вы, капитан. Решили бросить вызов самому «железному канцлеру»?

– Именно! Предлагаю заняться чеканкой серебряных и золотых марок.

Глаза Христофорова вспыхнули азартом. Надо полагать, что это всего лишь небольшие отблески пожара, полыхавшего внутри.

– Марки очень непросты в изготовлении, – задумавшись, протянул Валерий Михеевич. – На них очень трудный рисунок, он имеет несколько степеней защиты…

– Так вы отказываетесь?

– Нет. Опыта мне не занимать; думаю, что оттиск изготовлю недели за две. Максимум за три. Сложнее будет с боковыми насечками, они весьма непростые. Хотя у меня имеются кое-какие идеи… Но здесь нужно будет поэкспериментировать.

– Скажу вам откровенно: было бы интересно изготовить клише по государственному образцу на золотые монеты. Это дело хоть и хлопотное, но вполне осуществимое.

– Узнаю ваш размах! – просиял Христофоров. – Если вы за что-то беретесь, так обязательно за что-нибудь масштабное. Если изготавливать монеты, так непременно золотые, если что-то продавать, так императорский дворец…

Леонид скупо улыбнулся. Христофоров напомнил ему историю, случившуюся приблизительно два года назад. Тогда он был начальником караула в Зимнем дворце. И надо было такому случиться, что к нему, приняв его за хозяина дворца, обратился американский бизнесмен с желанием купить Зимний дворец. Стараясь не показать удивление, Варнаховский назвал астрономическую сумму. Американец тотчас согласился, заявив, что деньги принесет на следующий день, а дворец после покупки разберет, погрузит его на корабль и соберет уже у себя в Техасе. На следующий день американец принес деньги в двух огромных чемоданах. Забрав их, Леонид тотчас отбыл во Францию, а о его мошенничестве долго еще судачили во всех российских газетах.

– Вы правы, так оно и есть.

– Хочу сказать, что у меня имеется сплав, который по ковкости не уступает золоту. Возможно, что он слегка красноват, но этот дефект можно заметить только при тщательном изучении, а потом монеты несложно будет подстарить, тогда он вовсе не будет виден, – все более зажигался Христофоров. – Даже если сдавить монету зубами!

– Что ж, это радует. Впоследствии мне бы хотелось наладить производство бумажных денег.

– Тут немного сложнее. Чеканку можно производить у меня в подвале, а типографский способ требует больших помещений. Одному мне не справиться – нужны хорошие граверы, необходимы типографские машины, оборудование…

– Все это будет, – кивнул Варнаховский. – Я поищу безлюдное место за городом, в какой-нибудь пустующей усадьбе. Детали для типографских станков будем заказывать в разных концах страны, чтобы не вызвать подозрения.

– Но хочу вас предупредить: одно дело – изготовить деньги, и совсем другое – распространить их. Это непросто! Большой риск.

– Не стоит волноваться, у меня есть идея. – Растянув широко губы в довольную улыбку, Варнаховский добавил: – Даже не одна…

– Что ж, очень хорошо.

– Теперь меня волнует вопрос: когда мы начнем заниматься изготовлением денег?

– Считайте, что мы уже начали, – заверил Валерий Михеевич.

Достав из кармана пухлый бумажник из темно-коричневой лайковой кожи, Варнаховский отсчитал три тысячи франков и протянул их Христофорову.

– Это вам на первое время; купите, что требуется.

– Здесь даже больше того, что нужно, – несколько смущенно отвечал фальшивомонетчик, не решаясь забрать деньги.

– Если останется, потратьте на собственные нужды.

– Как скажете…

– Я тут обратил внимание, что доска на крыльце скрипит; можно, например, починить ее.

Христофоров в широкой улыбке показал крупные желтоватые зубы.

– Это задумано специально, чтобы всегда знать, кто топчется на пороге.

– Что ж, разумно, не смею возражать. Вижу, что вы человек осторожный, это то, что нужно… Я, пожалуй, пойду.

Легко поднявшись, Варнаховский подхватил трость, стоявшую в углу, и размеренным шагом направился к двери. Взявшись за ручку, он малость помедлил, как если бы хотел что-то добавить, но потом решительно распахнул дверь и, стараясь не наступать на скрипучую ступеньку, шагнул в ночь.

Под ногами колюче похрустывал гравий – надо полагать, дополнительная предосторожность. Треск камушков слышен едва ли не за полверсты. Валерий Христофоров не так прост, как могло показаться поначалу.

На противоположной стороне дороги стояла высокая темно-синяя карета, запряженная четверкой лошадок вороной масти. Кони, показывая норов, призывно храпели, гневно постукивали копытами по гранитной брусчатке, потряхивали длинными гривами и, видно, с нетерпением ожидали той минуты, когда появится возможность пробежаться по широкой дороге, показывая свою лихость.

На высоких козлах, укрытых волчьей шкурой, сидел представительный возчик при широкой бороде, в полуцилиндре и укороченном сюртуке; по облику – настоящий молодец.

– Заждался, Евдоким? – спросил Леонид возчика, поигрывавшего кнутом.

– Наше дело привычное, – растягивая гласные, отвечал тот. – Пока господа ходють, так мы на козлах сиживаем.

Варнаховский нанял Евдокима около четырех лет назад, в первый свой приезд в Монте-Карло. Человеком он оказался весьма полезным; перебравшись во Францию за три года до Леонида, объездил все Лазурное побережье и знал в нем каждую лавку.

– Так куды мы едем, ваш бродь? – повернулся Евдоким.

– Давай в гостиницу. И еще вот что, чего ты мне все «вашим благородием» поминаешь? Чай, мы с тобой не в России.

– Как-то оно так попривычнее будет, ваш бродь. А потом, как же вас тогда величать-то? – захлопал глазами Евдоким.

– Ну, скажем… месье д'Аркур.

– Ха-ха-ха! – весело рассмеялся казак. – Скажете вы тоже, мусье! Уж лучше я буду звать вас господин д'Аркур. Но, пошла, милая! – тряхнул вожжами Евдоким, и застоявшиеся кони тронулись по брусчатке, помахивая кудлатыми головами.

Глава 2
Сделка состоялась

Хаим Шмуль содержал лавку в самом центре Берлина, на улице Курфюрстендамм, торгуя разного рода серебряными изделиями: канделябрами, подносами, столовыми приборами, мундштуками, тростями, браслетами, цепочками. Иначе говоря, всем тем, что вызывает живейший интерес даже у праздного гуляки, случайно перешагнувшего порог его заведения. А что означает иметь лавку в центральной части города? О, господа, это предполагает весьма большие преимущества! Богатый клиент не спешит расставаться с деньгами в первом подвернувшемся магазине – он терпеливо несет свое портмоне, набитое марками, в самый центр города, туда, где выбор товаров особенно красноречив, а уж там со своим разнообразным серебром его поджидает усердный и расторопный Шмуль. Ему останется лишь проявить немного участия к чаяниям покупателя, и тот ни за что не уйдет без приобретения. И уже в конце лета Хаим сумеет выполнить обещание, данное жене прошлой весной: свозить свою любимую жену Сару на воды для подлечивания застаревшей подагры. Сыну можно будет поменять старый сюртук на новый, сшитый по последней моде. Кроме прямых материальных благ, от большого количества посетителей имеются еще и моральные, дающие возможность покровительственно посматривать на менее удачливых коллег, расположившихся на окраине города, что всегда рады даже самому бедному туристу, случайно забредшему в их лавку.

По существу, улица Курфюрстендамм представляет собой широкий бульвар, по обе стороны которого располагались многочисленные рестораны и магазины. Так что в магазинчик Хаима Шмуля непременно заглядывали: кто из простого любопытства, а кто намеренно, чтобы прикупить к намечающемуся торжеству какую-нибудь очаровательную безделушку.

Торговля шла бойко, особенно в летний сезон, когда из России приезжали русские промышленники и купцы, а потому витрина с броским и дорогим товаром обновлялась еженедельно. Кроме того, Хаим имел художественный вкус и прекрасно понимал, как лучше расположить товар: какой следует поставить у самого входа, а какой целесообразно установить вдоль стен или поставить по углам. В общем, это была целая наука, которой лавочник Шмуль овладел в совершенстве.

Надо признать, что и товар у него был не бросовый, а самый что ни на есть эксклюзивный, штучный, рассчитанный на изысканного покупателя, какого всегда можно отыскать в богатом Берлине. Второй похожей вещи не отыскать во всей Германии, а все потому, что к своему делу Шмуль подходил с большой душой. Ведь лавка всего-то верхняя часть его многогранного бизнеса, так сказать, последняя его стадия, где он оборачивает его в цветастую оболочку и представляет на суд покупателю. А поначалу с куском серебра работает художник – родной племянник Хаима; он рисует подходящую модель, которую затем выливает другой мастер – его сын. А еще имеется тьма двоюродных и троюродных родственников, на всех углах нахваливающих его необыкновенный товар. Пятеро из них обходят все магазины в округе и изучают покупательский спрос и своевременно сообщают о нем Хаиму, предоставляя ему возможность всегда находиться на полшага впереди своих коллег. Так что без преувеличения можно сказать, что продажа серебряных изделий была семейным бизнесом. И на этом поприще Хаим сумел заполучить заслуженное признание.

В этот раз товар был особенно изумителен. Кроме канделябров с пятью отростками, выполненных в стиле Людовика XIV, были изготовлены столовые приборы на двенадцать персон для особо торжественных случаев, а также салфетницы, подносы, перечницы и солонки, – словом, все то, что способно радовать глаз и весьма подошло бы для особо торжественного случая. За прошедший день несколько человек интересовались столовым серебром, но морщили носы, когда Шмуль озвучивал цену. Однако лавочник не торопился снижать стоимость,

понимая, что настоящего ценителя прекрасного дороговизной не смутить, а потом, на улице Курфюрстендамм прогуливалось немало людей, что выкладывали крупную сумму не торгуясь, – например, русские фабриканты. Так что следовало подождать своего покупателя, а старый Шмуль славился терпеливостью.

Сосчитав выручку, он невольно нахмурился – всего-то две с половиной сотни золотых монет! И это при том, что день был нерабочий – рождество святого Иоанна Крестителя – и большая часть буржуа высыпала на улицу, чтобы всласть потратить честно заработанные капиталы. Шмуль вздохнул: лавка «Хаим и сыновья» помнила лучшие времена.

Торговец выглянул в окно. Улица была полна народу, от обилия красок в одежде просто рябило в глазах. Мужчины были в дорогих сюртуках из легкой и тонкой ткани, в своем большинстве под руку с прекрасными спутницами, одетыми в длинные нарядные платья, впрочем, не мешавшие рассмотреть их башмачки и даже щиколотки прекрасных ножек. Но самое странное, будто бы сговорившись, никто из них не желал заходить в его заведение. Только иной раз какой-нибудь зевака осматривал стеклянную витрину, иногда задерживая взгляд на выставленные подсвечники и люстры, и тотчас спешил по намеченным делам, помахивая тросточкой.

Трижды за последний час в лавку забредали представительного вида мужчины, по всей видимости, буржуа. Один был невероятно тучный, бочкообразной наружности, с толстой сигарой в правом углу рта. Расспрашивая о каждом столовом приборе, он лишь перекладывал сигару из одного уголка рта в другой, но так ничего и не купил, оставив после себя лишь плотное облако дыма. Вторым был молодой человек в зауженных брючках и полосатом сюртуке. Расположившись у окна, он поинтересовался у приказчика стоимостью серебряного подстаканника и даже не охнул, когда тот назвал ему завышенную цену; похоже, что он даже ее не расслышал. Его интересовала дама в розовом платье и широкополой шляпке, что прошла мимо лавки под руку с крепким мужчиной в темном костюме. Трудно было сказать, что это был за человек: не то обманутый муж, решившись выследить возлюбленного своей супруги, не то офицер тайной полиции, следящий за контрабандистом. Он тотчас выскочил из магазина, как только молодые люди стали переходить на другую сторону улицы. Третьим был старик с аккуратной седеющей бородкой, зауженной книзу строптивым клинышком. Помахивая тоненькой изящной тросточкой с нефритовой рукоятью, он переходил от одного подсвечника к другому, тщательно рассматривал их, трогал рукой и даже дышал на них, свернув в трубочку тонкие синеватые губы. Единственное, чего он себе не позволял, так это пробовать их на зуб; а потом, разочарованно хмыкнув, потопал из лавки, покачивая ухоженной седой головой.

День неумолимо приближался к завершению. В лавку зашел мужчина лет тридцати пяти с короткой бородкой, но по тому, как он разглядывал товары, Шмуль понял, что тот вряд ли раскошелится на что-то значительное. Хаим уже хотел было распорядиться прибраться в складском помещении, чтобы уложить наиболее ценные образцы под замок, как неожиданно у самых окон лавки остановилась тяжелая парадная карета с княжеским гербом на дверях, запряженная шестеркой коней вороной масти. По обе стороны от кареты, в мундирах и при саблях, на рослых конях столь же представительной масти, сидели дюжие полицейские. Дверь кареты плавно распахнулась, и из нее в сопровождении двух мужчин неприметной внешности вышел высокий полнеющий вельможа со строгим взглядом из-под густых седеющих бровей и с рыжеватыми усами. Одет он был по последней моде: на голове, чуток наклонившись, держался полуцилиндр из атласной материи; сюртук черного цвета, под ним жилетка в мелкую продольную полоску, из-под которой выглядывала белоснежная рубашка со стоячим воротником; на сморщенной шее повязан шелковый синий галстук. Осмотревшись, вельможа неторопливым шагом направился в лавку Хаима. Один из сопровождавших предупредительно проскочил вперед и распахнул перед представительным господином дверь.

Лавочник невольно обмер, когда в помещение вошел рейхсканцлер Германской империи Отто Эдуард Леопольд Карл-Вильгельм-Фердинанд князь фон Бисмарк унд Шёнхаузен.

Взгляд Шмуля невольно задержался на левой щеке канцлера, на которой выделялся глубокий кривой шрам, полученный в далекой молодости во время одной из дуэлей. Впрочем, несмотря на огромное количество поединков, это было первое и последнее его ранение. Канцлер был еще тот рубака!

Хаим невольно сглотнул, подумав о том, что с момента последней их встречи, случившейся четверть века назад в России, в Санкт-Петербурге, Бисмарк сильно состарился, однако из простого посла, каким он был в то время, превратился в «железного канцлера».

Лавка Шмуля находилась неподалеку от немецкого посольства, где он торговал большей частью свечами и спичками, и господин посол нередко забегал к нему за розжигом. Иногда они даже обменивались малозначащими фразами. И вряд ли он будет о нем помнить.

Бодро поздоровавшись, Отто Бисмарк произнес:

– Мне порекомендовали вашу лавку; сказали, что у вас продают лучшие столовые приборы во всем Берлине.

– Так оно и есть, господин рейхсканцлер, – с готовностью отозвался Шмуль, выходя из-за прилавка. – Какие именно столовые приборы вы желаете?

– Хм… Какие-нибудь торжественные, что ли… Завтра у моей супруги день ангела. Хотелось бы сделать ей приятное.

Шмуль едва улыбнулся, вспомнив молодую аристократку Иоганну фон Путткамер. Интересно, сохранила ли она свое очарование, каким славилась в молодые годы? Впрочем, на его вкус Иоганна была несколько сухощава.

– Да, конечно, господин рейхсканцлер, для вас у нас имеется очень красивый столовый набор. Этот эксклюзивный комплект будет украшением вашего семейного ужина.

Из соседней комнаты в шелковой ермолке на коротко стриженной курчавой голове вышел племянник Мойша, готовый исполнить любое указание дяди. За складскими дверьми что-то негромко стукнуло: вместо того чтобы раскладывать товары по своим местам, оставшиеся двое помощников прильнули к щели и теперь слушали его разговор с канцлером. Надо будет им задать, после того как удалится важный господин! И, обратившись к Мойше, застывшему в ожидании, Хаим сказал:

– Принеси приборы.

Мойша был малым расторопным, в точности, как и младшая сестра Шмуля; вот только ушла, бедная, очень рано, оставив на попечении старшего брата трехлетнего сына. Так что лет через двадцать будет на кого оставить лавку. Не разорит парень семейный бизнес!

Едва заметно кивнув, Мойша вытащил из шкафа небольшой кожаный футляр, в котором лежали ложки. Затем столь же осторожно извлек ножи в небольшом чемоданчике, выполненном из коричневой мягкой кожи; третьим был футляр из черной кожи, на крышке которого был оттиск самодовольного круглолицего буржуа с выпирающим брюхом и держащим в руках большую вилку. Его жизнерадостная физиономия должна была поднять настроение даже самому предвзятому покупателю.

Хаим не ошибся – взгляд канцлера остановился на жизнерадостном толстяке.

– Взгляните, господин рейхсканцлер, – сказал лавочник, откинув небольшие золоченые застежки. Помедлив, с некоторым торжеством открыл крышку чемоданчика.

В бархатных красных ячейках, располагаясь аккуратным рядком, лежали ножи с резными костяными ручками, на гладких лезвиях из легированной стали был вытеснен герб Германской империи.

Не удержавшись, Бисмарк взял один из ножей. Рукоять из слоновой кости удобно подогнана под ладонь; заточенная сталь сверкала, собирая на идеально ровной поверхности свет керосиновых ламп. Налюбовавшись изделием, Бисмарк с почтением уложил его в ячейку.

– Ваш товар великолепен!

Мойша расторопно открыл футляр с вилками и ложками.

– Вы не находите, что такие красивые вещи вызывают аппетит? – сказал канцлер, чем вызвал сдержанный смешок стоявших за его спиной чиновников. И уже серьезно, глянув на Шмуля через линзу очков, добавил: – А мне бы толстеть не следовало, впереди очень много работы. Так сколько я вам должен?

– Четыреста тридцать марок, господин канцлер, – отвечал лавочник, любезно растянув губы.

В общении Отто Бисмарк славился как весьма доступный человек.

– Цена впечатляет, – обронил он.

– Так же, как и товар.

– Возможно, – буркнул рейхсканцлер. – У вас найдется сдача с пятисот марок?

– Разумеется, господин канцлер, – с готовностью отозвался хозяин лавки.

Вытащив объемный бумажник, Бисмарк выудил из него двумя пальцами пять купюр голубого цвета с гербом объединенной Германии. Новое государство нуждалось в обновленных символах власти, и новоиспеченная денежная единица подходила для этого наилучшим образом. Наверняка Бисмарк испытывает нешуточную гордость всякий раз, когда смотрит на деньги с императорскими символами, – ведь именно во многом благодаря его личным усилиям многочисленные немецкие государства, сумев преодолеть собственные амбиции, сплотились в мощнейший монолит.

Взяв банкноты, Шмуль выдвинул ящик стола, где у него лежали деньги. Но неожиданно его лицо болезненно сжалось.

– Господин канцлер… Я не могу принять у вас эти деньги…

– Почему? – невольно вырвалось у князя.

– Они фальшивые, господин рейхсканцлер.

Лицо Бисмарка застыло, именно таким его приходится нередко видеть на многочисленных портретах.

– С чего вы это взяли? – после минутной паузы произнес он, усмехнувшись. – Наши деньги имеют восемь степеней защиты. Вряд ли в Европе найдется более надежная единица, чем германские марки.

– Смею с вами не согласиться, господин канцлер, – произнес Шмуль, набравшись мужества. – Посмотрите на герб Рейха…

– И что?

– Оперение у орла пропечатано нечетко, а корона на его голове слегка наклонена в сторону.

Отто Бисмарк всмотрелся. Этот лавочник оказался действительно необычайно глазастым. Оперение у орла больше походило на куриное.

– Хм, теперь я вижу, что вы правы.

– Если бы вы не были рейхсканцлером, я непременно вызвал бы полицию, чтобы вас арестовали.

Сопровождающие, стоявшие за спиной, сдержанно рассмеялись. Шутка понравилась.

– У кого-нибудь есть четыреста тридцать марок? – невесело глянул Бисмарк на сопровождающих.

– Возьмите, господин рейхсканцлер, – вышел вперед молодой русоволосый мужчина с короткой бородкой и протянул горсть золотых монет.

– Кто вы? Я вас не знаю.

– Я Оливер Краузе, занимаюсь коммерцией.

– Хм… Весьма неожиданно. Хорошо, я беру у вас деньги в долг. Как мне отдать вам его?

– Я живу на Фридрихштрассе, четырнадцать.

– Деньги вам принесут сегодня же вечером. Спасибо, вы очень любезны.

– Не стоит благодарности.

– Надеюсь, что ваши деньги не фальшивые…

Молодой человек весело рассмеялся:

– Всем известно, что вы большой шутник, господин канцлер.

Попрощавшись, он вышел из лавки.

Бисмарк протянул деньги хозяину лавки. Взяв золотые монеты, Хаим тщательно осмотрел каждую из них, после чего вынес свой вердикт:

– Все верно, господин канцлер, сделка состоялась. Мойша, упакуй товар господину рейхсканцлеру и снеси его в карету.

– Хорошо, дядя, – кивнул расторопный помощник.

Упаковав в матерчатые чехлы футляры со столовыми приборами, он ловко перевязал каждый из них красочными ленточками и торжественно понес к карете, где покупка была принята адъютантом канцлера, стоявшим у распахнутой двери.

– У меня такое чувство, что мы с вами как-то встречались, – задумчиво произнес Отто Бисмарк, – вот только я никак не могу припомнить, где именно.

– Так оно и было, господин рейхсканцлер, мы встречались с вами в России… в Санкт-Петербурге четверть века назад.

В глазах «железного канцлера» вспыхнули заинтересованные огоньки.

– Да-да, кажется, я вас вспомнил! У вас была лавка недалеко от нашего посольства. Я частенько покупал у вас спички. Ха-ха! Я все время их где-то забываю, очень скверная привычка! – Сунув в уголок рта свою неизменную трубку, он постучал себя по карманам и объявил: – Собственно, у меня и сейчас нет при себе коробка.

– Возьмите, господин канцлер, – пододвинул Хаим Шмуль коробок спичек.

– Благодарю… – Запалив в трубке табак, Бисмарк выдохнул тяжелое дымовое облачко. – Надеюсь как-нибудь рассчитаться с вами, – и, притронувшись двумя пальцами к полям цилиндра, вышел из лавки.

Глава 3
Должник

Начальник полиции Рейха Гельмут Вольф сидел напротив рейхсканцлера и терпеливо наблюдал за тем, как тот, достав из ящика стола свою любимую трубку из черного дерева с длинным покусанным мундштуком, принялся набивать ее душистым табаком. Движения Бисмарка выглядели умелыми и весьма старательными, создавалось впечатление, что сейчас для него не существует более значимой вещи, чем глоток дурманящего дыма.

За годы совместной работы Гельмут успел изучить Бисмарка, а потому мог предположить, что тот находится на грани бешенства. Своеобразная терапия с закладыванием табака в трубку позволяла ему сосредоточиться и выглядеть невозмутимым. Значительная часть душевных сил была направлена на то, чтобы противостоять собственной горячности, и надо отдать ему должное, что зачастую он был способен выглядеть флегматичным.

О вспыльчивости и бурной студенческой молодости говорил только шрам на щеке. Поговаривали, что едва ли не все споры будущий канцлер предпочитал решать через дуэль. Именно подобная горячность не позволила ему начать политическую карьеру сразу после университетской скамьи, и пришлось перебрать немало должностей, прежде чем Отто занял кресло депутата прусского королевства. И если прежде его называли «бешеным помещиком», то после первой же своей речи на собрании он прослыл «безумным депутатом». Что, впрочем, не помешало ему через двадцать с небольшим лет взобраться на вершину политического олимпа.

Выдохнув облачко дыма, Бисмарк откинулся на спинку стула, как если бы хотел спрятаться от дымовой завесы.

– Вы знаете, Гельмут, для чего я вас вызвал?

– Не могу знать, господин рейхсканцлер.

– Вот что, Гельмут, – неожиданно посуровел канцлер. – Вы знаете о том, что в настоящее время Рейх просто наполнен фальшивыми монетами и банкнотами?

– Смею возразить, господин рейхсканцлер, слово «наполнен» не совсем точно отражает нынешнюю ситуацию. Признаю, что фальшивые купюры поступили в обращение. Но мы усиленно работаем. Одна группа фальшивомонетчиков из пяти человек была накрыта четыре дня назад.

– Чем именно они занимались?

– Печатали банкноты. Но полагаю, что это не самые искусные фальшивомонетчики. По нашим данным, существуют и другие. Я бы сказал, весьма способные, если такие слова применимы к данному случаю.

– Вчера вечером я попал в скверную историю. Хотел расплатиться за столовый прибор купюрами, а хозяин лавки у меня их не принял! Обычный лавочник объяснил мне, что деньги фальшивые, и даже указал места, где фальшивомонетчики проявили небрежность.

Начальник полиции лишь кивнул. Историю, случившуюся с канцлером, ему рассказали накануне, так что он мог предположить повод для столь неожиданного приглашения в бундестаг. На его коленях лежала кожаная папка, а собранный в ней материал позволял ответить на многие вопросы.

– Я в курсе случившегося, господин рейхсканцлер. И уже принял кое-какие меры… Позвольте узнать, как попали к вам эти деньги?

Отто Бисмарк призадумался.

– Не могу сказать доподлинно, но, по всей видимости, через Имперский банк.

Начальник полиции не выразил удивления – лишь удовлетворенно кивнул.

– Возможно, что так оно и было. В наличии имеются банкноты очень высокого качества, не каждый банковский служащий может отличить их от настоящих.

– Вот даже как!

– В каждый банк мы дали соответствующие инструкции и надеемся, что в ближайшие двадцать четыре часа будут выявлены все фальшивые банкноты и монеты. Мы надеемся полностью вывести их из оборота.

– Этого недостаточно, – жестко произнес канцлер. – Фальшивомонетчики – государственные преступники! Они подрывают доверие к нашей денежной реформе, а следовательно, наносят ущерб всему Рейху! У вас имеется хотя бы предположение, что это за люди?

Положив курительную трубку на край стола, Бисмарк вперил взгляд в начальника полиции. Вольфу оставалось только набраться мужества, чтобы выдержать немигающий взгляд холодных бледно-голубых глаз. Как-то Бисмарк похвастался тем, что несколько раз принимал участие в медвежьей охоте (традиционной русской царской забаве), когда был послом в России; двух матерых самцов он сумел подстрелить из карабина собственноручно. Наверняка на медведя, бегущего прямо на него, он смотрел точно таким же немигающим взором. Начальнику полиции Вольфу сделалось немного не по себе. Ведь он всего лишь волк[1].

– У нас имеются кое-какие предположения. – Положив папку на стол, начальник полиции извлек из нее карту Рейха с обозначенными на ней флажками. – Значками помечены места, где встречены фальшивые купюры, – это Кенигсберг, Лейпциг, Берлин, Потсдам. Основная масса фальшивок приходится на Восточную Пруссию. Предполагаю, что фальшивомонетчики находятся где-то рядом. Не исключено, что в Кенигсберге, а то и в самом Берлине… В последние два дня именно там нами были выявлены фальшивки очень высокого качества; они практически ничем не отличаются от настоящих, за исключением небольшой помарки – в подделках водяной знак слегка размазан. И то… чтобы обнаружить этот дефект, следует очень внимательно присмотреться.

– И что это значит?

– Фальшивомонетчики набираются опыта и улучшают свою продукцию раз от раза.

– Может, деньги поступают из-за рубежа? – предположил Бисмарк. – Например, из Англии?

– Не думаю, – слегка помедлив с ответом, отвечал Вольф. – Нами выявлен слишком большой объем денежной массы первоклассного качества. Перевозить деньги в таком количестве – большой риск! На границе деньги могут обнаружить таможенники. Скорее всего, капиталы все-таки печатают и штампуют где-то на территории Германии.

– Какие фальшивки преобладают: монеты или купюры?

– Монеты. Изготовить их легче, оборудование компактное, его можно спрятать в любой комнате или подвале.

– Было бы замечательно, если бы в первую очередь вы отыскали именно этих любителей чеканки…

– Сделаем все возможное, господин рейхсканцлер.

– В ближайшие часы вы должны немедленно создать группу из специалистов по поимке фальшивомонетчиков, а я уж сделаю все возможное, чтобы надолго упечь их за решетку.

– Такая группа уже создана, господин рейхсканцлер. Но чтобы отловить всех, нужно время.

– Даю вам неделю. Надеюсь, в следующий раз я не попаду в неловкое положение, – недовольно буркнул Бисмарк, взяв со стола трубку. Разговор был закончен.

Уложив разложенные листки в кожаную папку, Вольф поднялся и вышел из кабинета.

Оставшись один, Бисмарк вызвал секретаря. Явившись, тот в ожидании застыл у стола канцлера.

– Вы ездили на Фридрихштрассе, четырнадцать?

---

[1] Вольф по-немецки «волк».

– Да, господин канцлер, но деньги передать не удалось.

– Что значит «не удалось»? – взметнулись брови Бисмарка.

– Оливер Краузе там не проживает.

– А кто же там проживает? – удивленно спросил канцлер.

– Какой-то французский подданный по фамилии Трезеге.

– Он не знает, кто такой Оливер Краузе?

– Мы спрашивали у него об этом, но он ответил нам, что первый раз слышит такую фамилию.

Отто Бисмарк поморщился:

– Никогда не любил быть в долгу.

Глава 4
Фокус фальшивомонетчика

Гельмут Вольф подошел к большой настенной карте и воткнул красный флажок в город Мюнхен. Еще одна точка, где отыскались фальшивые деньги весьма высокого качества. Причем фальшивомонетчики действовали настолько дерзко, что покусились даже на золотую марку, подделать которую прежде считалось невозможно. Если дело и дальше пойдет столь стремительным образом, фальшивые деньги могут нанести значительный ущерб объединенной Германии.

Еще каких-то десять лет назад страна не знала единого денежного порядка. В ней существовало семь монетных систем: на севере Германии властвовал серебряный талер, в южной части – серебряный гульден; особняком стоял бременский золотой талер, пользовавшийся спросом по всей Европе. В стране также употреблялась валюта соседних стран, плюс бумажные деньги двадцати одного немецкого государства. Так что разобраться в этой мешанине было весьма непросто, что, в свою очередь, предоставляло большое поле деятельности для фальшивомонетчиков и разного рода мошенников. Германия была первой страной в Европе, перешедшей к золотому монометаллизму, в основу которого легла «золотая марка». А пять лет назад был создан центральный эмиссионный банк – Рейхсбанк, обязанный урегулировать денежное обращение.

Однако на деле все выходило гораздо труднее: еще оставались десятка три банков, которые не желали отказываться от эмиссионного права, чем значительно подрывали влияние и авторитет центрального банка. Существовали и внешние силы, стремящиеся разрыхлить финансовую государственность Германии и подорвать доверие к единой денежной системе: князья не успели позабыть того, что каждый из них совсем недавно имел собственную денежную систему. Возникал невольный вопрос: а не возникнет ли у княжеств желание печатать собственные деньги после фиаско единой денежной системы? Тогда объединенная Германия вернется к тому, с чего начала: каждое княжество пожелает иметь пусть небольшое, но собственное воинство. А это подразумевает пограничные конфликты, тяжело вздохнул Гельмут. Германии чрезвычайно повезло, что в этот сложный период рядом с императором Вильгельмом Первым находился такой дальновидный политик, как Отто Бисмарк.

Вытащив из ящика стола три монеты, Вольф достал лупу и принялся внимательно рассматривать каждую из них. Эти монеты сегодня утром принес ему адъютант Рихард Корф, заметив, что на них стоит обратить особое внимание.

Что ж, посмотрим, в чем там дело…

Первые две монеты были достоинством в одну и две марки, третья – в пять. На первый взгляд в них не было ничего особенного, и только всмотревшись, можно определить, что первая монета имеет слегка красноватый оттенок, а следовательно, вместо золота в сплав добавлено значительное количество меди. Государственные же монеты чеканились в девятисотой пробе в стандарте пять граммов на марку. Сколько же здесь тогда остается золота? Два грамма? Или, может быть, всего-то один? По всей Германии таких монет гуляет несколько тысяч, так что можно сказать, что ущерб Германии наносится колоссальный. И это не учитывая политического ущерба, способного привести к развалу страны…

Гельмут невольно крякнул и, взяв монету в две марки, принялся всматриваться в изображение кайзера. Рельефная поверхность была значительно поцарапана, а на подбородке императора глубоким следом просматривалась отметина. Возможно, что монету носили с ключами, отсюда и такие царапины. По цвету марка в точности совпадала с настоящей, вот только разве что выглядел кайзер на ней несколько суровее, чем был в действительности. А ведь со слов

людей, кто его близко знает, император весьма вежливый и обходительный джентльмен со старомодными манерами.

И все-таки эта монета была фальшивой. Отличие ее состояло в том, что знаменитые бакенбарды императора, свисавшие едва ли не до плеч, на монете отчего-то выглядели значительно укороченными и были не столь курчавы, а на затылке волнистые волосы сбивались в какой-то легкомысленный пучок. Видно, штамп у фальшивомонетчиков порядком поизносился и требует серьезного ремонта, что, впрочем, только на руку криминальной полиции.

Судя по всему, талантливый фальшивомонетчик использовал весьма сложную и трудоемкую технологию. Он делал отливки настоящих монет, а потом в полученные формы заливал жидкий металл. Однако таким путем не удается достичь высокой степени идентификации, какая получалась при настоящей чеканке. Поверхность «слиточных» под лупой выглядит зернистой, встречаются и следы воздушных пузырьков. Но этот дефект фальшивомонетчик сумел скрыть за счет специальной технологии старения монет. И находилось немало покупателей, попадавшихся на эту удочку.

Взяв третью монетку достоинством в пять марок, начальник тайной полиции невольно прищелкнул языком от изумления: она ничем не отличалась от настоящей, если не считать того, что корона на голове Вильгельма Первого была не столь рельефной, как на подлинной монете. Бесспорно, фальшивомонетчик – человек весьма трудолюбивый, способен подмечать собственные ошибки, но, что самое скверное, невероятно талантлив. Шефу полиции и прежде приходилось иметь дело с фальшивомонетчиками, особенно запоминающимися были бременские преступники, где местные умельцы научились подделывать золотой талер, окрашивая его в желтую краску. Надо признать, она была весьма устойчивой и не стиралась даже после двух недель обращения. Ему приходилось иметь дело и с бумажными банкнотами, которые до объединения княжеств в единое государство печатали едва ли не во всех землях Германии, но большая их часть напоминала лишь фантики от конфет: водяные знаки не пропечатывались, а в словах были даже орфографические ошибки. Но этот случай был особенным – неизвестные фальшивомонетчики по своим способностям значительно превосходят всех остальных дельцов и, надо полагать, преподнесут еще немало неприятных сюрпризов.

В дверь негромко и коротко постучали, после чего она приоткрылась, и на пороге предстал Рихард Корф. Высокий, светловолосый, невероятно гибкий, он был родом из северной Германии и происходил из семьи мелкопоместных дворян, некогда составлявших главную силу рыцарей-завоевателей. Какая именно причина заставила его изменить военным традициям и пойти на службу в полицию, оставалось загадкой, но свое дело он знал, и если будет столь же дотошен и впредь, то сумеет сделать неплохую карьеру в полицейском ведомстве.

– Вы сказали докладывать о каждом новом появлении фальшивых монет.

– Та-ак, – насторожился Гельмут, остановив взгляд на выпуклом, без единой морщины лбу Корфа. – Что-то новенькое?

– Именно так, господин Вольф.

Сделав вперед три больших шага, адъютант положил на стол небольшую коробочку и, как показалось Вольфу, с каким-то тайным торжеством открыл крышку. Начальник полиции невольно нахмурился: на черном матерчатом дне лежали две золотые монеты стоимостью в десять и двадцать марок. Фальшивомонетчики решили не останавливаться на достигнутом и принялись осваивать новые сферы.

– Откуда золотые марки?

– Из Мюнхена. Несколько таких же монет отыскалось в Бранденбурге и Ольденбурге, а также в Берлине.

Полноватые губы начальника полиции болезненно скривились. Названные земли располагались на значительном расстоянии друг от друга и совершенно не давали возможности предположить, откуда именно распространяются подделки. Не исключено, что в Германии суще-

ствует не одна, а несколько групп талантливых фальшивомонетчиков. Полиции придется быть весьма расторопной, чтобы успевать за их перемещениями.

Но Гельмут Вольф отчего-то склонялся к тому, что изготовление фальшивых монет было делом одной шайки. Даже себе он не мог объяснить, откуда у него взялась подобная убежденность. Возможно, это называется опыт, интуиция (уж слишком одинаково хорошими получались все изготовленные монеты), и если бы не знать о мелких огрехах, которые можно было рассмотреть, лишь вооружившись лупой, то их можно было бы принять за настоящие.

И вот сейчас в становлении преступного дела возникла новая ступень – золотые монеты. По существу, изготовление подобных поддельных монет можно было бы назвать вершиной карьеры каждого фальшивомонетчика – не каждый из них отважится работать с таким капризным материалом, как золото.

Вольф поднял золотую монету в десять марок прусского образца и тщательнейшим образом принялся изучать. Ровным счетом никаких огрехов. Она выглядела как подлинная! Еще более нахмурился, заметив, как в язвительной улыбке дрогнул правый уголок рта адъютанта. Парень совершенно не спешил на выручку своему начальству и воспринимал положенные на стол «золотые монеты» как некоторую оригинальную головоломку для пытливого ума.

Что ж, попробуем справиться без подсказки… Вооружившись лупой, Гельмут не обнаружил на поверхности монеты даже малейших изъянов. На аверсе, застыв в золоте, куда-то вправо сосредоточенно и серьезно взирал Вильгельм Первый, а на оборотной стороне в центре монеты был запечатлен орел с приоткрытым клювом и расправленными крыльями, чьи перья напоминали заточенные копья. По краям монеты написана номинальная стоимость – десять марок. И в самом деле, головоломка выглядела не из простых.

Начальник полиции царапнул по поверхности иглой, но, к его удивлению, позолота выдержала глумление.

– Посмотрите на боковые насечки, – не выдержав, подсказал адъютант.

Вольф повернул монету узким краем и увидел, что через позолоту едва заметными крапинками проступает темно-серый цвет. Наверняка олово.

– Это единственный просчет фальшивомонетчиков. Позолота стирается по краям.

– Какой вес монеты?

– Почти такой же, как и у настоящей.

Начальник полиции всмотрелся в царапину. Обычно фальшивомонетчики покрывают монету позолотой, которая легко слезает даже от царапания гвоздем. Сейчас же поверхность была покрыта сплавом, не уступавшим по физическим свойствам золоту. Действующие фальшивомонетчики – люди не без способностей и сумели выделить сплав, который не отходит от разнородной поверхности даже при механическом воздействии. Что ж, тем более интересно будет их изловить.

Монеты чеканились из золота высшей, девятисотой пробы, практически лишенного какой бы то ни было примеси. За свою жизнь начальник полиции насмотрелся на них немало. Деньги со столь высокой концентрацией золота встречаются не часто и отличаются от прочих цветных металлов весом и ковкостью, но эта монета всецело соответствовала стандарту.

Вторая монета в двадцать марок должна была содержать более семи граммов золота, почти вдвое тяжелее предыдущей.

– Вес измеряли?

– Так точно, господин Вольф, – охотно отозвался адъютант. – По весу обе монеты соответствуют стандарту.

– Весьма занятно. Откуда именно эти монеты?

– Из Берлина.

– Вот как… Мне нужно побеседовать с человеком, который принес вам эти фальшивки.

– Он дожидается вас в приемной, господин Вольф.

Одно из лучших качеств адъютанта – предугадывать желание начальства, Рихард владел им в полной мере.

– Пусть войдет.

Адъютант удалился, оставив дверь приоткрытой, а еще через минуту порог кабинета перешагнул нескладный, тощий и очень высокий мужчина с длинными подковообразными усами. Даже в дорогом сюртуке итальянского покроя он выглядел несуразно, как если бы снял его с чужого плеча. Слегка вытянутое лицо выглядело угловатым, кожа пористая, подбородок раздвоенный, сильно расширяющийся книзу. Длинные руки выглядели необычайно сильными, с такими впору выкорчевывать пни; и только светлый, едва ли не до болезненности, цвет лица указывал на то, что большую часть времени он проводил в закрытом помещении.

– Садитесь, – дружелюбно предложил начальник полиции, указывая на свободный стул, стоявший сбоку от стола. – Представьтесь.

Мужчина неловко улыбнулся.

– Я Ганс Мюллер, работаю в ювелирном магазине на Брандмайерштрассе помощником управляющего. Хотя большей частью мне приходится стоять за прилавком, случается, что обслуживаю клиентов. А вчера вечером к нам пришел молодой представительный мужчина вместе с дамой. Сразу было видно, что он из высшего общества: манеры, умение хорошо говорить, уверенно держаться… Все было в его пользу. Он стал выбирать украшение для своей дамы…

– И что же он выбрал?

– Колье с изумрудами, потом алмазную заколку и брошь с десятью рубинами. Очень дорогие и красивые вещи. Вел себя так, будто его совершенно не интересуют цены. Так способны держаться только состоятельные люди, которых интересует лишь качество товара. Потом я сложил в сумку все, что он выбрал. Клиент расплатился со мной и ушел. И только в конце рабочего дня, когда я стал пересчитывать деньги, то обратил внимание на то, что через позолоту просвечивает серебряный металл. Тогда я понял, что эти монеты фальшивые.

– Можете подробно описать, как выглядел ваш клиент?

– Высокий, русоволосый, с длинными светлыми усами, загибающимися кверху…

– Может, в его внешности имелось нечто такое особенное, на что следовало бы обратить внимание? Подумайте.

– Не уверен, но, кажется, на подбородке у него имелся небольшой рубец.

– Это уже кое-что… А как выглядела женщина?

– Женщина была прехорошенькой. Худенькая на личико, губки слегка капризные. Но уверяю вас, это совершенно ее не портило! Скорее всего, наоборот, добавляло очарования.

– Вы могли бы узнать этих людей, если повстречали бы где-нибудь на улице?

– Пожалуй, что смог бы. Мужчина вел себя как настоящий аристократ из высшего общества. Не так часто в наш магазин заглядывают подобные люди.

– Сделаем вот что. Сейчас вы подробно опишете моим помощникам мужчину и женщину. Постарайтесь не упускать ни одной малейшей детали. Нам важно все. Рихард! – громко окликнул начальник полиции.

– Да, господин Вольф.

По-прежнему торжественный, с высоко поднятой головой. Адъютантам полагается часто сгибать шею, а парень ведет себя так, как если бы проглотил швабру. Должность адъютанта явно не для него.

– Отведешь нашего гостя к художникам, пусть они с его слов попробуют написать портрет клиента, а потом отправишь ориентировку во все отделения полиции Германии. Может, наш фигурант всплывет по каким-то другим делам.

Глава 5
В группе имеется информатор

Тяжелый экипаж, запряженный четверкой резвых лошадей, преодолел Цепной мост, заколесил мимо Летнего сада, в эту пору особенно многолюдного, и далее завернул на Фонтанку, к зданию Департамента полиции. Кабинет Александра Уварова, начальника Третьего делопроизводства, располагался на втором этаже, окна которого выходили на Фонтанку, куда спускался небольшой дощатый причал. Александр Петрович любил подолгу и с чашкой в руках простаивать у высоких окон, наблюдая за каретами, подъезжавшими к причалу.

– Герасим, попридержи лошадей, – распорядился Бобровин, и извозчик с широченной бородой и в полуцилиндре охотно натянул поводья, давая возможность действительному статскому советнику посмотреть на окна кабинета директора охранки. В какой-то степени Бобровин совершал своеобразный ритуал. Сложно было сказать, что он думал в этот момент, но всякий раз хмурился, когда портьеры были широко распахнуты. В этот раз завесы были плотно сдвинуты, и возчику даже показалось, как в глубине комнаты величаво проследовала тень.

– Погоняй! – приободренно произнес пассажир.

Действительный статский советник Кирилл Федорович Бобровин возглавлял в секретном делопроизводстве первую экспедицию, ведавшую политическими делами, а еще ей вменялось наблюдать за людьми, состоявшими под особым надзором. Через нее всегда проходили дела особой важности. Экспедиция обязана была знать общественное мнение о политической ситуации в стране и своевременно докладывать об этом первым чинам государства. А если того требовала необходимость, так и подправить общественное мнение в полезную для государя сторону. Так что важность своей работы Бобровин ощущал едва ли не ежечасно. Сегодняшний доклад был особо важным.

У решетчатых ворот стоял жандарм. Заприметив карету Бобровина, он потянул за створки, впустив лошадей во двор.

Внешне здание Департамента полиции выглядело весьма скромно. К нему примыкали служебные корпуса, изолированные друг от друга. В глубине двора располагались каретники, конюшня, многочисленные дощатые сараи, в которых хранилась всякая утварь. Так что обстановка была самая деловая. Не зная того, что в глубоких подвалах томятся узники, подворье вполне можно было бы принять за казначейское, а то и вовсе за какое-нибудь богоугодное заведение.

Кирилл Федорович наказал возчику дожидаться, а сам направился к парадному входу, у которого так же, с подобающим торжеством, стояло два жандарма аршинного роста. Заметив приближающееся начальство, они слегка приподняли гладко выбритые подбородки. Бобровин терпеливо подождал, пока жандарм расстарается и распахнет дверь перед «его превосходительством», и только после этого, нарочито не спеша, притиснув папку к телу левой рукой, вошел в мраморную прохладу здания.

Внутри оно было не в пример торжественнее. Вестибюль парадный и с огромными окнами. На второй этаж вела патетичная мраморная лестница; поговаривали, что под ней находится небольшое помещение, в котором начинается подземный ход, уводивший в сторону Инженерного замка. Бобровину не приходилось бывать в этой части здания, но ему доподлинно было известно, что в глубине оно не менее масштабно, чем снаружи, а винтовые лестницы, уводившие вниз, казались настолько длинными, что создавалось впечатление, будто бы они увлекали в преисподнюю.

Кирилл Федорович прошел через белый Люстровый зал, украшенный золотыми панелями. Кабинет начальника Третьего делопроизводства находился в правом крыле здания, куда уводила длинная красная ковровая дорожка. У широких окон стояли тропические растения:

азалии, китайские розовые деревья, финиковые и бамбуковые пальмы, выглядевшие на фоне обоев раскаленного цвета настоящим оазисом. Одна из таких пальм находилась в кабинете Уварова, и Бобровин не однажды становился свидетелем того, как тот поливал цветок из небольшой зеленой лейки. Пожалуй, что ботанический сад, устроенный в стенах секретного отделения, был единственной слабостью его сиятельства графа Уварова.

Кирилл Федорович прошел мимо фикусов и пальм и повернул к широкой двери с бронзовой массивной ручкой. Открыв дверь, он оказался в просторной приемной, больше смахивающей на оранжерею, где преобладали орхидеи с лилиями.

– Александр Петрович вас уже ждет, – проговорил адъютант, молодой человек со светлыми волосами. Понизив голос, добавил: – Уже два раза о вас справлялся. Проходите!

Бобровин невольно посмотрел на часы. До назначенного времени оставалось еще четыре минуты, а потому нетерпение шефа немного удивляло.

Уняв подступившее волнение, действительный статский советник прошел в кабинет. За небольшим столом на резных ножках, укрытым зеленым сукном, сидел действительный тайный советник Александр Петрович Уваров. Выглядел он озабоченно, а длинная морщина, что угловатой молнией резанула чело, лишь усиливала первое впечатление. Показав на свободный стул по правую сторону стола, он хмуро поинтересовался:

– Так что вы можете сказать?

Две недели назад в Петергофе были выявлены три активных члена «Народной воли», добивавшиеся свержения самодержавия. Они собирались убить государя во время его утренней прогулки. Обычно император останавливается в одном и том же месте, у большого фонтана, где Самсон раздирает пасть льву. Потом, неспешно отхлебнув несколько глотков минеральной воды, двигался дальше. В нескольких шагах от этого места была установлена урна с заложенной в ней бомбой. Государь Александр Третий не погиб лишь по чистой случайности: с утра шел дождь, отчего запал отсырел, и вместо предполагаемого взрыва произошел всего-то небольшой пшик. При последующем тщательнейшем расследовании было выявлено три фигуранта, причастных непосредственно к установке бомбы. Их тотчас отправили в Шлиссельбургскую крепость безо всякой надежды на то, что им когда-нибудь удастся выбраться с каменного острова.

Положив ладони на темно-коричневую папку, Бобровин уверенно произнес:

– У нас есть основания полагать, что нити заговора тянутся в Германию и в Болгарию. Сейчас там находится группа народовольцев, которые в ближайшее время планируют повторить теракт.

– Что касается Германии, я не удивлен, но Болгария?.. Кому же там досадил государь?

– Стефан Стамбулов. Сейчас он первый министр, но сравнительно недавно был одним из самых активных народовольцев.

– Да, я помню Стамбулова, – согласился Уваров. – Он учился в семинарии в Одессе, из которой его выгнали за революционную деятельность. Но откуда такая информация?

– В их группе имеется наш информатор.

– Кто он? Мужчина, женщина?

– Женщина… Ее зовут Феодосия Артузова. Она из приличной аристократической семьи. Запуталась. Так бывает.

– Ваш информатор не назвал, случайно, точную дату готовящегося покушения? – скрывая раздражение, спросил Уваров.

– В ближайшее время она готова назвать эту дату, если мы выплатим ей двадцать тысяч рублей.

Александр Петрович поморщился. Сумма показалась великоватой. За такие деньги он мог бы нанять целую дюжину агентов, однако интересы безопасности императора вынуждают

пойти на чрезмерные траты. Лицо Уварова выражало крайнее неудовольствие, но решение было принято.

– Вы уверены, что она назовет точную дату?

– Она одна из тех, кто влияет на это решение, – отвечал действительный статский советник. – А потом ей просто не захочется ссориться с нами. Неизвестно, какими последствиями для нее это может обернуться.

– Тоже верно, – согласился Уваров, едва кивнув. – Пусть получит эти деньги, но ответ я должен знать немедленно.

– Сегодня же телеграфирую нашему резиденту Рачковскому, чтобы он вышел с нами на контакт.

– Вот и отлично. А теперь, что у нас по фальшивым деньгам?

Два месяца назад тайным и особым указом Александра Третьего на территории Германии было организовано производство фальшивых марок: некоторая ответная мера на активную деятельность Германии на международной арене и ее агрессивную политику по отношению к Российской империи. После победоносной русско-турецкой кампании по соглашению Берлинского конгресса России досталась всего-то Южная Бессарабия, в то время как изначально речь шла о выходе России к Средиземному морю. Неудачу в международной политике следовало связывать в большей степени с Германией, которая стремилась оттеснить Россию как можно дальше от морских берегов. А после объединения разрозненных германских княжеств в единое государство и усиления армии кайзер стал претендовать на роль лидера в Европе. Во взаимоотношениях России и Германии чувствовалась напряженность. Рейх всерьез готовился к пересмотру границ своих восточных территорий. Если это не так, тогда как же объяснить интерес Германии к военным секретам России? Только за последний месяц на заводах в Санкт-Петербурге было выявлено шесть человек шпионов! В прежние времена подобного не наблюдалось.

Поначалу фальшивые марки планировалось штамповать на Монетном императорском дворе, но потом решили отказаться от подобной идеи: возникали проблемы с доставкой денег через границу. Решено было наладить производство монет в Пруссии, под носом у самого «железного канцлера». Оставалось только отыскать подходящего для подобной деятельности человека. Он должен обладать авантюрным складом ума, быть в меру бесшабашным, хитрецом каких мало – и при этом оставаться баловнем судьбы. Скоро такой человек отыскался: бывший поручик лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка Леонид Назарович Варнаховский. Невероятный мот, прожигатель жизни, авантюрист, разыскиваемый уголовной полицией сразу по нескольким преступлениям о мошенничествах, он являлся идеальной фигурой для предстоящего дела. За те несколько месяцев, что Варнаховский находился в Европе, он успел прославиться многочисленными аферами, столкновениями с полицейскими и карабинерами, отметился полудюжиной дуэлей, о которых в сочных красках писали едва ли не все европейские газеты. Ему просто ничего не оставалось делать, как дать свое согласие: уж лучше заняться производством фальшивых денег, укрепляя экономическую мощь отечества, чем отправиться на каторгу за уголовные злодеяния.

– Месяц назад Варнаховский начеканил пробную партию монет. Некоторое время они ходили по территории Германии, а потом были выявлены. Но, надо сказать, они настолько искусно изготовлены, что правительство Германии обменивало их на настоящие.

– Варнаховский оказался не без способностей, – широко улыбнувшись, отвечал начальник Третьего департамента. – Но каким образом монеты были выявлены?

– Они оказались немного легче настоящих серебряных монет, а кроме того, боковые насечки на монетах были весьма скверного качества. Но уже следующая партия выглядела как настоящая. Вместо серебра он применял медно-никелевые сплавы, которые по своим физическим свойствам во многом напоминают серебро.

– Подсчитали, какой ущерб был нанесен Германии?

– Предположительно на шестьсот тысяч марок, – с гордостью отвечал Бобровин.

– Что ж, весьма неплохо, – одобрительно закивал Уваров.

– Но это только начало. В ближайшее время цифра будет значительно увеличена…

– И насколько?

– Предположительно до пяти миллионов. Мы планируем выпуск банкнот. Полагаю, что экономический ущерб будет составлять примерно до двух-трех миллионов марок в месяц. Если они будут и дальше работать с той же оперативностью, экономика Германии будет значительно подорвана. И сохранить существующий государственный строй не сумеют никакие центробежные силы. В настоящее время своей приоритетной задачей «железный канцлер» считает изловить фальшивомонетчиков, на их поимку брошены лучшие сыщики Рейха.

– Что ж, весьма неплохо, – удовлетворенно кивнул Уваров. – Вижу, что наш поручик справляется.

Бобровин согласно кивнул. В настоящее время велось острое соперничество между Россией и Австрией за влияние на Балканах. Решающее слово в этом споре могла сказать Германия, примкнув к Австрии. Так что пусть лучше кайзер занимается собственными внутренними проблемами, чем замахивается на геополитическое господство.

– В Магдебурге и Дрездене рабочим выдали зарплату серебряными марками, – продолжал Бобровин. – Как выяснилось впоследствии, все деньги оказались фальшивыми. Рабочие выразили недовольство; уже назревал бунт, но местные власти изъяли фальшивые деньги и поменяли их на настоящие.

– Чем же поддельные отличаются от настоящих? – заинтересованно спросил действительный тайный советник.

Улыбнувшись, Кирилл Бобровин положил на зеленое сукно серебряную монету достоинством в пять марок.

– Взгляните, ваше высокопревосходительство, это и есть фальшивка.

Взяв марку в руки, его сиятельство с любопытством осмотрел чеканный профиль императора. Ему не однажды приходилось держать в руках серебряные марки, так что он не без основания причислял себя к специалистам. Но продемонстрированная монета ничем не отличалась от настоящей; присутствовал даже характерный серебряный блеск, который практически невозможно подделать. Да и по весу она особенно не отличалась. А недостающие миллиграммы вряд ли можно было бы определить без технических приборов. Может, не столь точно нарисован орел? Всмотревшись в символ императорской власти, действительный тайный советник не обнаружил недостатка. Птица, разинув пасть, выставила наружу язык, как если бы хотела подразнить его.

– Что вы мне тут загадки-то устраиваете? – буркнул недовольно Уваров.

– Ваше сиятельство, а вы бы сбоку посмотрели, – широко растянув губы в довольной улыбке, подсказал Бобровин.

Повернув монету ребром, граф Уваров увидел частые мелкие насечки. Вот только от подлинных они отличались тем, что выглядели заметно стертыми.

– Насечки? – спросил граф.

– Именно так, ваше высокопревосходительство.

– Но в остальном я не нахожу отличий, – граф вернул монету.

– Они присутствуют. В монету добавлен медно-никелевый сплав.

– Но по цвету монета выглядит как настоящая.

– Это не совсем так, ваше высокопревосходительство. У фальшивой монеты слегка красноватый цвет, но его можно убрать, натирая монету ртутью.

– Ах, вот оно что…

– Я хотел спросить у вас, господин граф, как нам поступать, если Варнаховский вдруг попадет под наблюдение немецкой криминальной полиции?

– К тому, что происходит за территорией Российской империи, мы не имеем никакого отношения… Тем более к фальшивомонетчикам, – поморщился граф. – Я ясно выразился?

– Более чем… Но если Варнаховского поймают, то ему грозит пожизненная каторга, или даже гильотина… А он бы нам еще пригодился. Аферист с таким послужным списком встречается не часто.

Уваров нахмурился.

– Самое большое, что мы можем для него сделать, так это отслеживать сложные ситуации, что будут возникать вокруг него. Если вероятность ареста будет высокой, постараемся предупредить о грозящей опасности. Вам все понятно?

– Да, ваше высокопревосходительство, – с готовностью отозвался Бобровин.

Глава 6
Выгодное предложение

Управляющий Имперского банка господин Эберхард Гассман любил обедать в небольшом ресторанчике, находившемся в пяти минутах ходьбы от службы. Во-первых, в ресторанном меню его привлекали свиные ребрышки, до которых он был невероятно охоч. Готовились они на открытом огне, что добавляло им дополнительного аромата; прокопченные дымом, поджаренные до тонкой красноватой корочки, они будто бы сами просились в желудок. А во-вторых, здесь подавали французское вино. В зале ресторане у Гассмана даже имелся персональный стол. Обычно в его отсутствие на столе стояла небольшая табличка с надписью «Заказан», за что хозяину ресторана выдавалась добавочная оплата.

Забронированный столик имел существенное преимущество – он размещался у окна, которое выходило на центральный вход Оперного театра, и Эберхард всегда имел возможность любоваться молодыми артистками, что веселой стайкой спускались с высоких ступеней. Надо отметить, что некоторые из девушек выглядели прелестными созданиями, а управляющий банка всегда был открыт для необременительного романа… Вообще, первые его любовные фантазии были связаны именно с балеринами. Родительский дом располагался как раз напротив хореографического училища, и Эберхард имел возможность наблюдать за этим беспокойным племенем. Отец, один из крупнейших финансистов Пруссии, был горячим балетоманом и частенько водил подрастающего сына на премьерные балетные спектакли.

Едва управляющий вошел в ресторан, как к нему навстречу энергично двинулся официант. Господин Гассман не без усилия растянул губы в доброжелательной улыбке – единственное, что его раздражало в ресторане, так это французский интерьер, с недавнего времени вошедший в моду. Даже фраки у официантов и те были французские! Но искать другой интерьер – лишняя потеря времени, в радиусе нескольких кварталов аналогичная история. «Ладно, хоть кухня немецкая», – раздражаясь, думал Гассман Эберхард. Отчего-то несказанно его раздражало все французское – пожалуй, кроме вина. Да уж, что умеют эти лягушатники, то умеют…

– Когда вам принести ребрышки, господин Гассман? – широко улыбаясь, спросил официант.

Родом этот парень был из Саксонии, в Берлине проживал уже четвертый год, и в нем не было ничего иноземного, но сейчас Эберхарду вдруг отчетливо послышался французский акцент. С чего бы это? А может, хозяин ресторана вместе с интерьером решил привить своему персоналу и французский прононс? В таком случае ноги его больше не будет в этом заведении!

– Минут через десять, – буркнул управляющий. – И принесите мне, Ганс… итальянского красного, – заказал он против обыкновения.

Официант не выразил удивления – ему приходилось исполнять и не такие неожиданные заказы.

– Слушаюсь, господин Гассман, – и, убрав табличку, он удалился на кухню.

Устроившись у окна, управляющий принялся рассматривать прохожих. Весьма любопытное занятие, когда некуда торопиться: просто сидишь за ресторанным столиком в ожидании заказанного обеда. И выясняется такая милая подробность – оказывается, по центральной улице прогуливается немало прехорошеньких женщин, и некоторые из них вышли явно для того, чтобы завести удачное знакомство, а то и заполучить состоятельного покровителя.

Переполненная улица жила по своим законам: гремели тяжелые экипажи вельмож, с городской ратуши прозвучал бой часов, поторапливая обеденное время, раздавалась громкая речь. И, пробиваясь через двойное толстое стекло, будоража кровь, звучал девичий смех.

Подавляющее большинство людей, разгуливающих по центральной улице, были обыкновенными зеваками, а то и туристами, стремящимися облегчить свои кошельки. Практичного Гассмана всякий раз удивлял их необычный выбор. Ими приобретались несуразные и дорогие вещи: вазы, сделанные под старину, мебель, вышедшая из моды… Вчера один чудак купил антикварные часы, которые впору крепить разве что на родовом замке. А не лучше ли вложить потраченные деньги в акции и получать впоследствии стабильный доход?

Управляющий делил прохожих на три неравные категории. К первой, в которую входило подавляющее большинство, он относил зевак. Расфранченные, с высоко поднятыми головами, они норовили казаться состоятельной публикой. Заглядывали в каждый магазин, интересовались дорогой утварью, но, как правило, ничего не брали; услышав цену, отходили прочь, ссылаясь на то, что данная вещь не вписывается в интерьер. Другая часть публики, в основном представители мужского пола, появлялась на центральной улице для того, чтобы познакомиться с молоденькими модистками. Третья часть, их меньшинство, – обыкновенные туристы, прибывшие в Берлин полюбоваться достопримечательностями, а потому они таращились на каждый дом, увенчанный дворянским гербом.

Подошел официант, принесший на подносе, укрытом белым полотенцем с красной вышивкой, свиные ребрышки, разложенные на длинной полированной доске и аккуратно разделенные на равные части. На краю доски в полном порядке стояли специи, где главным «героем» был белый соус, налитый в небольшую аккуратную вазочку.

С точки зрения аристократа, каким являлся Эберхард Гассман, свиные ребрышки являлись не совсем изысканным блюдом – предпочтение чаще всего отдавалось французской или итальянской кухне, – но менять что-либо в своем меню он не желал, а потому поглощал мясо в огромном количестве, что совершенно не сказывалось на его сухопарой фигуре. Банкир оставался строен и поджар, как в лучшие годы своей жизни. И женщины не без основания посматривали в его сторону.

Отрезав кусочек мяса, управляющий тщательно прожевал его, запив небольшим глотком красного вина. Употребление пищи не требует суеты, в какой-то степени оно способствует философскому осмыслению. Эберхард может позволить себе никуда не торопиться, со вкусом жуя хорошо прожаренное мясо, зная, что его счет ежедневно увеличивается на круглую сумму. Даже если бы он спал по двадцать часов в сутки, то неизменно просыпался бы богатым человеком. Весьма приятное чувство, черт возьми!

С лестницы Оперного театра спускалась высокая красивая девушка в длинной юбке, отделанной зауженными воланами до самых бедер; поверх декольтированного лифа выглядывали белые внутренние рукава, перехваченные вышивкой; на груди – перекрещенная алая косынка, через которую просматривалась высокая сдобная грудь. На маленькой красивой голове шляпка в виде чепца, одетая таким образом, что ее передний край отодвигался на самые уши, и позволявшая видеть гладко зачесанные волосы, разделенные надвое аккуратным прямым пробором. Руки до самых локтей скрывали длинные перчатки, в деснице – длинный кружевной зонтик из клетчатой материи.

Гассман, позабыв про еду, с куском мяса у самого рта, затаив дыхание, наблюдал за девушкой, спускавшейся к тротуару. Он много дал бы, чтобы та разделила с ним трапезу. Ее плавная походка притягивала внимание мужчин, а она, будто королева бала, подняв острый подбородок, охапками собирала восхищенные взгляды.

Девушка пересекла мостовую и направилась в сторону ресторана, где обедал Эберхард. Его молитвы были услышаны – красавица решительно потянула на себя дверь, известив о своем приходе звоном двух колокольчиков, подвешенных у самого входа.

– Что желаете, фройляйн? – подскочил к гостье официант, слегка наклонившись.

– Ой! Я буквально на минуту, – надула красивые губки девушка. – Мне, пожалуйста, чашечку кофе и пирожное с кремом.

– Сей момент, – с готовностью отвечал официант и мгновенно удалился, взмахнув полотенцем.

Осмотрев небольшой зал, девушка направилась к свободному столику, тоже у окна, неподалеку от Эберхарда. Присев на стул, она стала смотреть на уличную суету, и Гассман в полной мере мог насладиться ее красотой. Аккуратная ухоженная головка покоилась на длинной гибкой шее. На висках небольшие завитки, волнующей пружиной спускавшиеся к плечам, а в небольших круглой формы ушках сверкали серьги с изумрудами.

Подошел официант и, выставив с небольшого серебряного подноса чашку кофе с пирожным, немедленно удалился.

Позабыв про еду, Гассман наблюдал за тем, как девушка поглощает горячий кофе: маленькими глотками, сложив губы, будто бы для поцелуя. Когда кофе был выпит и последний кусочек пирожного проглочен, она позвала:

– Господин гарсон, пожалуйста, счет.

Подскочивший официант вырвал из блокнота бумагу с записанной суммой.

– С вас полторы марки.

– Вы сказали, марки? – слегка смутившись, отвечала девушка.

– Именно так, уважаемая фройляйн. А вас что-то смущает?

– Дело в том, что у меня только талеры, а марки я не захватила.

– В нашем заведении мы берем только марки, – слегка нахмурился официант.

– Но как же так? – возмутилась девушка, приподняв голову; сейчас, настроенная воинственно, она была особенно прекрасна. – Ведь в соседнем ресторане берут талеры. Вчера вечером я покупала шляпку, также расплатилась талерами, а вы почему-то не желаете…

Официант выглядел строгим; в нем было что-то от полицейского сержанта, поймавшего за руку мелкого воришку. Девушку было жаль. Марка сменила талер уже десять лет назад, сразу после объединения Германии, но старая денежная единица, еще не изъятая из обращения банками, продолжала гулять по стране, хотя и не везде ее принимали за полноценную монету, а в некоторых местах и вовсе отказывались брать.

Официант, явно сочувствуя девушке, развел руками:

– Я даже не знаю, где вы их берете, уважаемая фройляйн, вся Германия уже давно расплачивается марками… Так что ничем не могу вам помочь. В противном случае, если вы не расплатитесь, мне придется выкладывать деньги из собственного кармана.

На маленькой узкой женской ладошке лежало несколько так называемых союзных талеров. Чеканный портрет Франца Иосифа на этот раз выглядел особенно задумчивым – даже император сочувствовал девушке.

– Что же мне делать? – в отчаянии спросила она.

Пожав плечами, официант произнес:

– Можете обменять ваши талеры в банке; думаю, что там войдут в ваше положение. Правда, за свою услугу банк берет значительные комиссионные.

– И где он?

– Здесь недалеко. Я могу подсказать вам, как пройти короткой дорогой.

– Позвольте, я вам помогу, – поднялся со своего места Эберхард Гассман. – Что же вам идти в банк, когда я его управляющий? Давайте я вам разменяю деньги здесь же, в ресторане. – Показав ровные зубы в широкой улыбке, добавил: – Мы предоставляем некоторым нашим клиентам подобную услугу, тем более таким хорошеньким, как вы, фройляйн. И с вас я совершенно не возьму никаких комиссионных.

Вытащив из кармана одну марку и пятьдесят пфеннигов, он протянул их официанту.

– Возьмите.

– Благодарю вас, господин Гассман, – отвечал официант, забирая деньги.

– Пожалуйста, – протянула девушка несколько талеров.

– Что вы, ни в коем случае! – возмутился управляющий. – Мне было приятно угостить вас.

– Я настаиваю, – в голосе девушки прозвучали требовательные интонации, воспротивиться которым Эберхард не посмел.

– Ну, прямо даже не знаю… Я могу взять, но с условием…

– Каким?

– Что вы непременно со мной пообедаете. Вы не против? – спросил он с надеждой.

– Хорошо, я согласна. Берите же деньги.

– Давайте завтра в это же время, – банкир забрал с узкой ладошки три монетки.

– Какой вы все-таки нетерпеливый…

– Что поделаешь, к этому обязывает работа.

– Как же мне вас называть?

– Позвольте представиться: управляющий Имперского банка барон Эберхард Гассман.

– А меня зовут Луиза Альтшулер, – просто ответила девушка. – Мне нужно идти.

Новая знакомая поднялась и направилась к выходу. Теперь, стоя с ней рядом, он с удивлением обнаружил, что девушка одного с ним роста, и не будь у него штиблет с удвоенной подошвой, в сравнении с ней он смотрелся бы и вовсе неловко.

Вышли на улицу, где их встретило многоголосье. Куда шла Луиза, Эберхард не знал; просто шагал с ней рядом, вдыхая аромат ее нежных духов, и очень надеялся, что девушка не уедет на первом же подвернувшемся экипаже. Банкиру даже казалось, что Луиза совершенно его не замечает, и только легкая улыбка, что иной раз раздвигала ее пухленькие губы, и легкое подрагивание длинных ресниц свидетельствовали о том, что это не так.

– Я вас случайно увидел, когда вы выходили из театра. Так вы балерина?

– Да. Неужели похоже?

– О да! Вас выдает осанка.

Некоторое время они шли молча.

– Позвольте спросить, откуда же у вас талеры, когда страна уже несколько лет расплачивается марками?

Меньше всего он хотел бы говорить с девушкой о делах. Но следовало как-то поддержать разговор. А финансовая тема – его конек!

– У моей бабушки целый сундук набит талерами. Я даже не знаю, сколько их там. Может, двадцать тысяч, а может, и сто! У нас их никто и никогда не считал. Мы просто брали из него, сколько нужно, вот и все, – просто отвечала Луиза.

В горле Эберхарда пересохло.

– Вы хотите сказать, что у вашей бабушки целый сундук талеров?

– Именно так. Это мое приданое. Так сказала бабушка. Но она не бывает против, если я иногда куплю на них что-нибудь из одежды.

Гассман едва кивнул. Судя по всему, старушка ни в чем не ограничивает внучку; чего стоят только ее роскошная юбка с воланами и башмачки, украшенные драгоценными камнями…

– Ваша бабушка не бедная.

– Да… В Саксонии у нас крупное поместье, оно приносит нам значительный доход.

– Но что вы будете делать с таким количеством талеров? – спросил Гассман и почувствовал в пальцах привычный зуд. Подобное ощущение он испытывал всякий раз перед выгодной сделкой. Надо признать, интуиция его никогда не подводила. – Надо обменять их на марки.

– Даже не знаю, – развела руками девушка. – Ведь это так хлопотно. Нужно найти человека, который бы взялся за это дело… А где его искать?

Управляющий слепил понимающее лицо. Он уже мысленно подсчитывал прибыль. Три новые марки приравниваются к одному талеру. Если старушка и в самом деле имеет сто тысяч

талеров, то в таком случае, если проводить операцию через банк, получается триста тысяч марок, шесть тысяч из которых составят комиссионные. А если у старушки будет значительно больше… От предстоящих перспектив у Гассмана перехватило дыхание. Не каждый день подворачиваются подобные сделки, причем он заполучит целую кучу денег, не вставая с кресла.

– Чего же вам искать? – мило улыбнулся Гассман. – Я как раз управляющий Имперского банка и готов вам помочь.

Пухленькие губки девушки слегка поджались. Похоже, что она задумалась всерьез, как ей повыгоднее избавиться от бабушкиного хлама в сотню тысяч талеров.

– Ну-у, даже не знаю… удобно ли… А ведь в действительности денег там может быть значительно больше.

– Поймите меня правильно, я просто хочу вам помочь. Уверяю вас, Луиза, нужно обменять деньги в ближайшие дни; если вы этого не сделаете, то уже через месяц-другой может быть поздно. Накопления вашей бабушки превратятся в обыкновенный хлам, а мне бы этого не хотелось.

В объединенной Германии было всего шесть банков, имеющих лицензию на обмен талеров, и Имперский, в котором Гассман был управляющим, входил в их число. Глупо было бы отказать себе в удовольствии заработать деньги на ровном месте.

Остановившись, Луиза посмотрела на раскрасневшегося банкира. Эберхард уловил исходивший от девушки аромат и невольно сглотнул.

– Хорошо, вы меня уговорили. Надо что-то делать с этими старыми монетами, – вздохнула девушка.

– Давайте встретимся с вами завтра, – продолжал Гассман с некоторым подъемом, как если бы подобная мысль посетила его только что. – Скажем, в это же самое время перед входом в ресторан. Вы пересчитаете свои деньги, а я уже приготовлю для вас соответствующую наличность.

– Полагаю, что это прекрасная идея. Только давайте не завтра, а через два дня. Все-таки я живу за городом, дорога отнимает много времени; а потом, мне нужно будет привести себя в порядок.

– Господи, вы и так выглядите просто великолепно! Хорошо, пусть будет через два дня, – легко согласился банкир.

– Ох, какая же я все-таки неорганизованная! – вздохнула девушка. – Мне нужно идти. Я ведь обещала своей бабушке помочь по хозяйству.

– Я вас буду ждать, – сказал банкир. – Не забывайте!

– У меня в это время репетиция, я не задержусь.

На перекрестке, вытянувшись в длинную линию, стояли экипажи, терпеливо дожидавшиеся пассажиров. Девушка шагнула к первой, высокой синей повозке с открытым верхом и надувными шинами, и негромко произнесла адрес. Возница в сером сюртуке, ладно скроенном по плотной фигуре, и в полуцилиндре, залихватски сидевшем на самой макушке, смерил пассажирку долгим взглядом, как если бы оценивал платежеспособность, и произнес, слегка кивнув:

– Пожалуйста, фройляйн.

Подождав, пока девушка опустится на мягкие кресла, он взмахнул кнутом, и экипаж повернул в соседний переулок.

* * *

Извозчик остановился около мебельного магазина. В больших запыленных витринах стоял раскладной диван и два небольших кресла. Элиз Руше подошла к витрине, сделав вид, что поправляет шляпку, и посмотрела на мужчину, стоящего немного в сторонке. Что-то в его

внешности ее насторожило – может, потому, что он совершенно не смотрел в ее сторону, а это было весьма удивительно. Но уже через минуту все прояснилось: тот поджидал девушку, переходящую дорогу. От сердца немного отлегло: за ней никто не следил, не пытался с ней заговорить или познакомиться; похоже, что она была безразлична целому городу.

Оно и к лучшему!

Элиз вошла в магазин и тотчас увидела мужчину, стоявшего неподалеку от входа и рассматривавшего невысокую тахту. Попробовав ткань на ощупь и, видно, окончательно разочаровавшись, он отошел к комоду из красного дерева. Заметив подошедшую женщину, негромко спросил:

– Как прошло?

– Именно так, как ты и задумывал, Леонид. Банкир клюнул!

Варнаховский одобрительно кивнул.

– Ты договорилась на сто тысяч?

– Да. Но добавила, что денег может быть больше. Потому что их «никто и никогда не считал».

– Отлично! Думаю, что Христофоров постарается наштамповать талеров побольше. У него еще впереди целый день. Если он все-таки не будет справляться, то я лично встану к прессу! Когда договорились встретиться?

– Завтра, в этот же час.

– Значит, у нас есть время. А теперь давай перекусим, а то я страшно голоден! Тут неподалеку имеется неплохой ресторан…

Глава 7
Совершенная подделка

Валерий Михеевич Христофоров считал себя фальшивомонетчиком по призванию. Изготовлять фальшивые деньги было для него такой же природной необходимостью, как пить, есть, спать. Это являлось своего рода страстью, точно такой же, какая наблюдается у скульптора, ваяющего фигуры, или у художника, пишущего картины. Только в изготовлении фальшивых монет Христофоров мог раскрыться всецело и понять истинные масштабы своего дарования. Приятно было осознавать, что он сумел облапошить не только сильнейшее государство, но и лучших специалистов, привлекаемых для изготовления денежных знаков.

Желание изготовлять фальшивые деньги было настолько давним, что порой Валерию Михеевичу казалось, будто бы он родился с ним. Подталкиваемый жаждой фальшивомонетчества, он полтора года прослужил в Императорском монетном дворе, где совершенствовал свое мастерство в изготовлении печатей. А набравшись значительного опыта, решил и сам заняться производством денег.

В совершенстве освоив граверное дело, Христофоров принялся за изготовление штампов. А вскоре в его коллекции появились шаблоны практически всех монет Европы. Но особой страстью для него являлось изготовление трафаретов монет многочисленных германских княжеств: пфенниги, гроши, шиллинги, крейцеры, талеры, гульдены, большинство из которых не отличалось высокой степенью защиты. И вот сейчас, обрадовавшись предложению Варнаховского, он всецело погрузился в интересную работу.

Вскоре после достопамятного разговора в Монте-Карло Леонид с Элиз и Христофоров покинули Францию. После некоторых размышлений они решили поселиться в Германии, а местом для жительства избрали Берлин. Валерий Михеевич поселился на самой окраине столицы, в небольшом доме с огромным глубоким подвалом, в котором установил печатный пресс. Работа была поставлена на поток, и вскоре фальшивые монеты приходилось выносить из подвала уже ведрами.

Леонид Варнаховский оказался малым расторопным, изготавливаемую продукцию он сбывал на рынке за половину стоимости у всевозможных торговцев. А через месяц фальшивые монеты заполонили всю Германию. Большая часть поддельных денег была очень высокого качества, даже в банках они принимались как настоящие. Этот период стал для авантюристов настоящим раем – в силу того, что наряду с настоящими монетами многих немецких княжеств в ходу оставались поддельные, которые зачастую невозможно было отличить от настоящих.

Правда, у фальшивых монет имелся весьма один качественный недостаток: они выглядели как новые. И тогда Христофоров придумал один способ, чтобы их состарить. На рессорах своей двуколки он разместил некую открытую емкость, в которой вперемешку с металлической стружкой, обильно пропитанной жиром, находились монеты. Когда двуколка проезжала по брусчатке или по непритязательной пыльной проселочной дороге, монеты принимали обильные пылевые или грязевые процедуры и быстро старились. А уж после этих процедур фальшивыми деньгами можно было безо всякого страха расплачиваться в любой столичной лавке.

* * *

Вечером к Валерию Михеевичу заехал Варнаховский и сказал, что нужно срочно продолжить чеканку талеров. Эти монеты у Христофорова были одними из любимых, и он не без гордости мог сказать, что научился изготавливать их столь великолепно, что они выглядели едва ли не лучше настоящих.

– Сколько нужно отпечатать монет? – спросил Христофоров.

– Полагаю, что тысяч десять… Если получится, то больше.

В углу стояли длинные прутья из сплава серебра и олова – заготовки для будущих монет. В ящике на столе лежали небольшие шарики для плавки. Взяв несколько шариков, Христофоров положил их на штамп, стоявший на раскаленной печи.

– Хм… Непростая работа, за один день не сделаешь, – признал он, наблюдая за тем, как шарики, расплавляясь, растекаются по форме. – Хотя попробую.

– Сколько потребуется времени?

В мастерской было жарко, Варнаховский чувствовал, как к спине прилипла рубаха; однако Христофоров, ловко справляясь с прессом, надавливая на него всем телом, совершенно не замечал неудобств. В лоток стали падать уже остывшие изготовленные монеты. Взяв одну из них в руки, Валерий Михеевич внимательно осмотрел поверхность. Она выглядела идеальной. Куда более идеальной, чем настоящая монета. Отсутствовала всякая зернистость и крохотные пузырьки, что непременно случаются даже на монетных дворах. Смущала лишь новизна, что совершенно не характерно для талеров, которым должно быть не менее двух десятков лет. Впрочем, этот недостаток можно легко устранить – всего-то перемазать монеты в помете и бросить под копыта лошадям. И уже через полчаса они будут выглядеть так, как если бы прошли через тысячу рук.

– Дня два.

– Хм… Два дня тоже устроит. Сделаешь столько, сколько успеешь, а там что-нибудь придумаем. Не забудь состарить монеты. Намечается весьма прибыльное дельце, – широко улыбнулся Леонид.

– А что с теми, которые я сделал в прошлый раз?

– Я их уже распространил, но одного мешка недосчитался. Подозреваю, что его просто выкрали из кареты.

Варнаховский вскоре ушел. Через три часа интенсивной работы Христофоров решил передохнуть, а заодно подсчитать количество изготовленных монет. Их оказалось без малого полторы тысячи. Весьма неплохо! Если дело и дальше пойдет таким образом, к концу рабочего дня он сумеет сделать больше половины заказа.

Передохнув, Валерий Михеевич установил нужные штампы и, поплевав на ладони, вновь взялся за пресс.

* * *

Гельмут Вольф взял талер и внимательно принялся изучать его через увеличительное стекло. Начальник полиции впервые видел столь совершенную подделку; у фальшивомонетчика, вне всякого сомнения, присутствовал большой талант. По внешнему облику монета весьма напоминала настоящую, отличаясь от нее разве что стертыми насечками на боках. У настоящих монет рубчики должны быть покрепче и порельефнее. А все потому, что неведомый фальшивомонетчик использовал сплав олова с серебром. Олово материал мягкий и стирается значительно быстрее, чем серебро. Но отличить их неискушенному гражданину чрезвычайно сложно, а потому они расползаются по Германии со скоростью заразной болезни. Порой Вольфу казалось, что фальшивых монет куда больше, чем настоящих.

На стене его кабинета висела карта Германии, где красными флажками он отмечал места обнаружения фальшивых монет. Вчера пришлось воткнуть дополнительно два флажка – в городах Росток и Котбус. Получалось, что большая часть фальшивых денег сосредотачивается в восточной части Германии. Оставалось только выявить город, в котором отмечается больше всего знаков, и тогда с большой долей вероятности можно было утверждать, что именно там фальшивомонетчики чеканят деньги.

Уже через неделю Вольф выделил два основных города: Берлин и Дрезден.

Начальник полиции подошел к карте и воткнул рядом с Берлином шесть красных флажков – теперь их было двадцать три. Гораздо больше, чем в каком-нибудь ином городе Германии, и на четыре больше, чем в Дрездене.

Поначалу ему казалось, что фальшивомонетчик расположился в Дрездене, именно на этот город прежде приходилось самое большое количество флажков. Вольф даже отправил в Саксонию сыщиков, чтобы те попытались отыскать логово фальшивомонетчика. Но вскоре он поменял свое мнение: в последние две недели число фальшивых монет неожиданно возросло в земле Бранденбург, и теперь у него уже не было сомнений в том, что фальшивомонетчик обосновался где-то в Берлине.

Рядом с объединенной картой Германии Гельмут повесил подробный план Берлина, на котором тоже было немало красных флажков. Больше всего фальшивых монет приходилось именно на западную часть города, и Вольф провел кривую линию, выделяя предполагаемый квадрат с логовом фальшивомонетчика. Вряд ли можно было считать, что он находится где-то на противоположной стороне улицы от полицейского участка, – наверняка засел где-нибудь на самой окраине и, запершись в подвале, чеканит деньги.

Что ж, следует уделять повышенное внимание именно западной части Берлина и, соблюдая должную конспирацию, обследовать город квадрат за квадратом.

На два часа дня Вольф назначил оперативное совещание с начальниками участков. Большая стрелка уже перевалила за десять минут третьего, но полицейские, рассевшись в приемной на мягких диванах, не спешили напоминать о себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.